

БОСС.

Игра по его правилам

Анюта Васильева

Анюта Васильева

Босс. Игра по его правилам

<https://litres.ru/74238542>

Аннотация

- Ты понимаешь, что сейчас произойдёт? - Да! - Назад дороги не будет! – Баяр, словно хищник, возвышался надо мной. – Твоё тело всецело будет принадлежать мне. Как только мы переступим грань, ты не сможешь отказаться или воспротивиться, ты это понимаешь? Сглотнув вязкую слюну, едва заметно киваю. - Я не слышу ответа. - Да, господин! – голос дрожит, но скорее из-за того, что происходило только что по ту сторону двери. Здесь, с моим боссом мне не страшно. Он защитит меня... или уничтожит?

#_Очень откровенно #_Босс и подчинённая #_Властный герой
#_Послушная героиня #_ХЭ

Содержание

1 глава	4
2 глава	12
3 глава	19
4 глава	29
5 глава	36
6 глава	45
7 глава	51
8 глава	59
9 глава	68
10 глава	79
11 глава	86
Конец ознакомительного фрагмента.	92

1 глава

— Викторовна, не трепи мне нервы! Башка и так болит.

Это надо же было так нажраться вчера! Знал же, что ничем хорошим спонтанная вечеринка старых приятелей не закончится. Проснулся с утра в ВИПке, в своём же клубе, а на мне две путаны, мать их. Ни хера не помню, кого и как вчера... Единственное, что успокаивало, — это наличие кантракцептивов, что по всей вип-комнате разбросаны были. Значит, котелок всё-таки варил немного, по крайней мере, на тот момент.

— Баяр-Хан, для чего вам нужен отдел по работе с персоналом, если вы сотрудников лично отбирать собрались? Пусть девочки делают свою работу, — женщина семенит за мной вслед, слышно, как за моей спиной выполняет какие-то манипуляции. В этом её торопливом цоканье каблучков по мрамору — целая симфония упрёка и заботы одновременно. — В конце концов, они за это деньги получают! — наконец обгоняет меня, подаёт стакан с шипучей таблеткой аспирина — моя спасительница!

— Викторовна, скажи. Я зарплату вам нормальную плачу? — задаю вопрос только после того, как полностью осушил стакан. Из кармана достаю платок, аккуратно промокиваю губы, потому как глотал так жадно, будто эта шипучка — не лекарство, а эликсир возвращения к жизни.

— Мне? Да! Премияльные всегда вовремя и медицинская страховка. Санаторий два раза в год...

— Я неконкретно про тебя! Санатории и курорты у меня только ты из всего офиса получаешь. Как моя помощница, ты попадаешь мне под горячую руку чаще остальных. Я про весь остальной персонал! Про всех тех, кто на меня работает.

— По зарплате у нас никто не жаловался ни разу. Да у нас даже клининг-мастера получают больше, чем где-либо!

— А какого хера у нас тогда текучка такая, объясни мне?

— Вы про юридический отдел?

— И про юр-отдел, и про бухгалтерию.

— Работать, потому что не хотят! Деньги получать хотят, а отчёты вовремя сдавать — нет! — беру нужную мне папку со своего стола, иду обратно на выход, моя помощница едва за мной поспевает. Её дыхание уже чуть сбито, но она ни за что не отстанет: это её профессиональная гордость — быть на полшага впереди моего плохого настроения. — А когда старшие специалисты требовать начинают, — продолжает она, — огрызаются. Нынешние работники, они сейчас все с гонором. Носы позадирали. Вон, Цепкова из бухгалтерии, с каким скандалом ушла! Прямо наличность пересчитала, когда её Елена Васильевна увольняла.

— Вот, кстати. Передай ей... — торможу на пару мгновений, смотрю на низкорослую, чуть полноватую женщину. В её взгляде столько терпеливого ожидания, что я на секунду чувствую себя подростком, который опять забыл сделать до-

машку. — А, впрочем, я сам! Старшие по отделам собрались уже?

— Да! Они уже отбирают наиболее подходящих, чтобы вам проще было.

— Твою мать! — ускоряю шаг. Мои ботинки грохочут по коридору, будто пытаются догнать моё раздражение. — Ска- зал же, что сам буду общаться с претендентами...

Анастасия

На собеседование прихожу минута в минуту. Казалось бы, ехала на трамвае, а всё равно в пробку встала.

Авария прямо на путях!

— Дамы и господа, кто на должность юриста, пожалуйста, вот сюда присаживаемся, — зайдя в просторный конферен- ц-зал, громко командует высокая брюнетка в строгой юбке, но с чересчур открытым декольте.

Странно, в объявлении было сказано про строгий дрес- с-код!

Хотя, с другой стороны, на такой пышной груди, как мне кажется, любая, даже самая закрытая водолазка будет смотре- ться пошло, так что, получается, разницы нет.

— Те, кто ко мне в бухгалтерию, вот сюда, — показыва- ет на противоположную сторону огромного овального стола, где также стоят шесть стульев.

Я в растерянности смотрю по сторонам.

— Ну чего застыла? Я как-то непонятно сказала? — па- ру мгновений женщина смотрит оценивающе. — А, ты сту-

дентка? Третьекурсница? Тебе на этаж ниже в отдел кадров. На практику там записаться можно.

Нисколько не удивляюсь тому, что меня приняли за студентку.

В мои двадцать три у меня до сих пор спрашивают паспорт, когда я сигареты покупаю, — не себе, брату! Он иногда, когда к нам с бабушкой приезжает, просит меня заскочить по пути, купить.

— Нет, просто я...

— Ну чего мямлишь? — тон молодой женщины непозволительно груб. Но в то же время она в чём-то права. Нужно быть чуть более уверенной в себе. Я делаю глубокий вдох, расправляю плечи и чувствую, как по спине пробегает лёгкий холодок: сейчас или никогда.

— У меня два высших образования! — подхожу ближе и отдаю документы женщине с идеально ровной спиной. От взгляда на неё у меня своя спина заныла, хотя я вроде и не сутулюсь.

— Ага! — с кривой усмешкой произносит, открывая поочерёдно каждый из моих дипломов. — И как же ты в столь молодом возрасте умудрилась получить сразу два... А, подожди. Угрюмова Анастасия! А не ты ли та самая Настенька, которую ректор нам все пять лет в пример ставил?

Краска моментально заливает лицо, при этом, даже уши начинают гореть.

— Мой дедушка действительно был ректором, но я...

— Ну тогда понятно. Вы нам не подходите! — почти с пренебрежением говорит, в буквальном смысле бросая мои документы на край стола.

— Почему? — внутренности пробила мелкая дрожь. Не от страха, конечно. От волнения или несправедливости. Со мной даже не поговорили! В груди поднимается горячая волна обиды, и мне хочется крикнуть: «Да я ночами не спала, чтобы эти дипломы заслужить!», но я сдерживаюсь.

— Потому что два высших образования одновременно в принципе получить сложно, а уж таких, — поднимает вверх дипломы вместе с моим резюме, — да ещё один из них красный. Это вообще нереально. — Привет бабушке! — и бросает документы передо мной на стол.

— Бабушки нет уже почти три года! — произношу потухшим голосом. Женщина едва заметно вздрогнула. Надеюсь, это от стыда. Мне хочется добавить что-то резкое, но слова застревают в горле, и остаётся только эта горькая тишина. — Что касается нереальности красного диплома, — всё же решаюсь договорить и стараюсь сделать это куда более уверенным голосом, — или нереальности получить сразу два высших образования, то тут скорее в желании и упорстве дело. Бабушка спуска никому не давал, и мне в том числе...

— Подтверждаю! — в кабинет бодрым шагом входит высокий мужчина в идеально выглаженном, дорогом костюме.

Он проходит напрямик к креслу генерального директора и, положив увесистую чёрную папку на стол, окинул взгля-

дом всех присутствующих, затем посмотрел на меня.

— Хотя я учился на заочной форме, — продолжил он, — экзамен по философии Угрюмову Фёдору Степановичу я пересдавал четыре раза! — Здравствуй, Настя!

— Здравствуйте. Хи-хи! — всё же вылетает из моего бессовестного рта.

— Чего ты? — вполне серьёзно интересуется.

— Пророчества дедушки, получается, не сбылись.

— Да, тьфу-тьфу-тьфу, — уже с лёгкой улыбкой произнося, Батбаяр стучит по столу костяшкой пальца. А уже в следующую секунду снова становится серьёзным, и всех присутствующих обводит таким взглядом, что у меня мороз по коже. Думаю, не только у меня! Даже воздух в комнате будто становится гуще, и хочется втянуть голову в плечи.

Мой дедушка в самом деле больше тридцати лет был ректором одного из самых престижных университетов нашего города. И его действительно считали несигибаемым. Он был очень требовательным и никому не делал поблажек, даже мне. Особенно мне!

Я росла с бабушкой и дедом с четырёх лет. Это мои родители меня брали к себе на выходные и на каникулы, а не наоборот. Мой старший брат — балбес! Так всегда про него говорил мой дед. Славка не хотел учиться, и вообще характер у него сложный. Не знаю почему, но дедушка крайне негативно относился к своему единственному внуку. В детстве дедушка не особо жаловал его у нас в гостях, а когда Слава

подрос, дед и вовсе едва ли не напрямую запретил тому появляться в его доме. Чуть позднее, в подростковом возрасте, Слава зачастую за это отыгрывался на мне.

Сейчас, в принципе, он также меня цепляет, но уже реже и без тумачков.

Где-то с лет двенадцати дедушка стал брать меня с собой в институт. Ну, как брать. Из школы мне было просто по пути к дедушке на работу. Я ждала, пока он закончит свои дела, чтобы вместе пойти домой. Делала в его кабинете уроки или просто читала.

Иногда я становилась свидетельницей того, как студенты буквально умоляли его принять у них пересдачу. Мой дед в самом деле был просто непробиваемым, не брал взятки и не прогибался под жалостливые истории. Один раз только сделал исключение.

Поставил студентке зачёт, только бы она перестала рожать на его экзамене. Я очень хорошо помню тот день, потому как дедушка испытал невероятный стресс.

Рожать, после заветной отметки в зачётной книжки студентка конечно же не перестала, но до больницы всё же доехала!

Впервые я увидела Батбаяра как раз в один из таких вот приходов к деду на работу после школы! Баяр тогда пытался пересдать экзамен в третий раз. Я смотрела на него как заворожённая. Он тогда казался мне высоченным — прямо-таки «Дядя Стёпа»! Сейчас, конечно же, и я подросла, и теперь

он больше не кажется мне слишком огромным, но всё же...

Сейчас передо мной взрослый мужчина с идеально гладкими прямыми волосами цвета вороньего крыла, убранными в короткий хвост. Большими, невероятно красивыми чёрными глазами формы миндаля, обрамлёнными густыми ресницами. Довольно редко можно встретить человека подобной внешности. В нём угадывались азиатские корни, но всё же он не слишком отличался от остальных.

Когда я была маленькая, то думала, что он какой-нибудь китаец, и имела неосторожность уточнить этот вопрос у дедушки. Но так как мой дед был одержим моим безупречным образованием, вместо ответа он заставил меня написать ему целый реферат о народах мира и каждому отыскать в библиотеке нужные картинки.

С тех самых пор я безошибочно могу отличить не только китайца от монгола, кем, кстати, и является Батбаяр. Но даже араба от турка отличаю с одного взгляда, и это несмотря на то, что внешне они схожи.

Я присела на один из свободных стульев. Неловкость и зажатость ушли на второй план, наверное, потому, что хотя ранее с Баяр-Ханом мы никогда не общались, но тем не менее друг друга знали.

2 глава

Увидеть в своей фирме внуку ректора. Девчонку, которая около десяти лет назад смотрела на меня украдкой, как на некий экзотический предмет. И именно предмет, потому как в те мои двадцать пять девушки на меня смотрели, пуская слюни, но то студентки, которым уже было восемнадцать и более. Анастасия же тогда была ещё ребёнком и в силу своего возраста не могла смотреть на меня как-то иначе. В её взгляде тогда читалось не восхищение, а чистое, почти научное любопытство — будто я был экспонатом в музее, который нельзя трогать, но очень хочется рассмотреть поближе.

И сейчас девушка, чей дед изрядно мне в своё время испортил нервы, пришла устраиваться ко мне на работу. Да уж, дела...

Ленка права! Фёдор Степанович действительно постоянно изводил своих студентов тем, что его пяти-, семи-, десятилетняя и далее по тому, как подрастала внучка, — он говорил: «Настенька в свои годы во сто крат умнее и ответственней вас всех». Знала бы эта девочка, до какой степени её заочно ненавидела львиная доля учащихся нашего института.

Не уверен, но если бы я лично не стал однажды свидетелем того, как на самом деле Угрюмов внуку свою «дрессировал», скорее всего, и я бы сейчас решил, что только благодаря деду у неё два диплома, один из которых красный.

А ещё целая куча призовых мест не только областных, но и международных. С последним, понятное дело, мало какие родственные связи могли помочь. Там всё же знания нужны!

— Настя, сколько языков ты знаешь? — помню, Угрюмов по языкам гонял её. Мне казалось, у него особый пунктик был по этому поводу.

Девчонка, что до этого внимательно слушала Павла, который вещал о специфике своего отдела, перевела свой глубокий, чистый взгляд голубых глаз на меня. В этот момент неожиданный и очень резкий разряд тока ударил мне в пах. Отчего моё тело вздрогнуло так сильно, что я коленом уебал по крышке стола, чем, естественно, привлёк к себе лишнее внимание. Член моментально заломило, и ему пиздец как стало тесно. Только блядь этого мне не хватало!

Пришлось немного привстать и незаметно одёрнуть штанину, хоть как-то смягчить дикий дискомфорт. Пришлось, конечно, постараться сохранить максимально бесстрастное выражение лица — будто это не я только что устроил мини-землетрясение своим коленом, а просто так, разминаюсь.

— Немецкий, английский, испанский, французский — свободно! — приподнимаю бровь с мыслями: «Не хило», и хочу задать следующий вопрос, но... — Арабский, турецкий на разговорном уровне, если понадобится, подтяну! — чё, блять?

— Хорошо, а...

— Китайский и корейский пока на начальной стадии. Пе-

реводить тексты в принципе уже могу, но в полной мере общаться пока не получается, — кладу шариковую ручку на стол, чтобы из пальцев не выскочила. Охренеть!

— Какая досада, — ёрничает Елена, — как же наша клининговая компания без вашего общения, они как раз...

— Елена, что вы себе позволяете?! — вроде постарался не кричать, один хрен гаркнул! В целом я, наверное и не умею уже по другому.

Это поначалу, когда только фирму открыл, я разговаривал с подчинёнными спокойно, но они как-то сразу на шею стали садиться, и тогда уже пришлось показывать свой гонор. Теперь это всё у меня отточено до автоматизма...

Из двенадцати претендентов осталось только четверо, включая Настю. Остальные не подошли по тем или иным причинам. И если двое парней просто замерли в момент, когда я строгим тоном сделал замечание главбуху, то девушки заметно вздрогнули. Настя и вовсе по моему дорожному паркету скрипнула стулом. — Нежный цветочек. Ну ничего, привыкнешь.

— Простите, перегнула!

— Непозволительная роскошь для начальника отдела.

Конечно при посторонних отчитывать своего сотрудника не правильно, но какое счастье что мне плевать! Это моя фирма и на место я предпочитаю ставить в моменте.

— Анастасия Ильинична, прошу меня извинить, — ни хера неискренне, само собой, но хоть догадалась прощения по-

просить.

Девчонка явно в растерянности, поэтому просто кивает.

— Анастасия, какой у тебя ай-кью?

— Чуть выше среднего! — отвечает спокойно. Думаю, этот вопрос ей задают нередко. — Я неударенный человек. Просто память хорошая, и мне всегда нравилось учиться. А что касается языков, — пожав плечиками, продолжает: — педагоги говорили у меня склонность к их изучению.

Возможно, но всё же кое в чём девушка, несомненно, лукавит. Ни хрена ей не нравилось учиться, но её дедушка умел давить.

За неправильно решённую задачу по физике она, сидя на кафедре, переписывала весь учебник и самостоятельно разбирала раздел по квантовой механике. Я будто снова вижу ту картину: маленькая Настя, сжав чуть полноватые губы, выводит строчку за строчкой, а Угрюмов стоит рядом и холодно говорит: «Ещё раз. Пока не будет идеально».

— Настя! Как я уже сказал, в нашем отделе большая часть документации связана с продажами. Суммы большие, зачастую очень, и нужно будет вовремя изучить договор партнёра вдоль и поперёк! Вне зависимости, есть недочёты с вашей стороны или нет, всё сверяется со мной. Как думаете...

— Павел, зачем эта информация ей? — прерываю обнаглевшего начальника юридического отдела, что посмел вклиниться в наш с Настей диалог.

— В смысле, а вы разве не к нам её?

— Ты решил, я шутил, когда говорил, что в твоём отделе одни мужики работать будут?

— Почему?

— Потому что я заеб... — откашливаюсь, вспоминая о том, что в помещении ещё есть те, кто не привык к моей пря-молинейности, — устал я, Павел, девушек с вашего отдела в декретный отпуск отправлять. Трёх за прошлый год. Двух уже в этом. И ещё одна на подходе.

— Две! — подсказывает мне Викторовна.

— Что?

— Заместитель Павла Сергеевича, — смотрит на начальника юротдела, — к Новому году, по-моему, в декрет.

— Вы... блять... — внутри всё вскипает.

Я реально заебался с персоналом. Терпеть не могу текучку, потому как и документы перешивать постоянно приходится, и дополнительное обучение оплачивать. Тут не в деньгах даже дело, а в том, что пока вся эта катавасия пройдёт, столько дел накапливается, что потом разбираем неделями. Приходится задерживаться на работе, а я это пиздец как не люблю, потому как у меня ещё и клуб есть, и другие проекты. Они, конечно, для души больше, но всё же моего внимания требуют!

— Павел, женщине сорок семь лет! — возраст произношу с расстановкой.

— А мы тут причём? У Галины Михайловны муж. Мы тут вообще не при делах. Обижаешь...

— У Сукнук тоже муж, но алименты почему-то Козлов платить будет.

— Ну, это скорее исключение, — снисходительный ответ.

— Исключение не исключение. А в декрет чаще всего именно с твоего отдела уходят. Так что вот тебе два орла, выбирай любого! Хотя, в принципе, раз уж тут такое дело, можешь сразу обоих взять, только пока второго на полставки, если подойдёт тебе.

— А Анастасия к Елене Васильевне получается?

— Шутишь, что ли? — риторический вопрос но серьёзным тоном — Мышку бросить в змеиное логово? Она же порог переступить не успеет. Сожрут!

— Ну что же вы о нас так, Баяр-Хан? — одного взгляда на Голубеву хватило, чтобы она заткнулась.

— А куда тогда?

— На место Викторовны...

— Что? — едва ли не в один голос старшие менеджеры задают вопрос.

— Ну а что?! Образование у девушки шикарное. Языков вон сколько знает. По командировкам переводчика левого брать не нужно.

— У неё опыта нет.

— Ты сюда пришла тоже без опыта, Лен.

— Я другое, — едва ли не задыхается Голубева от возмущения, — и я...

— Чем лучше, Елена Васильевна?

— Мы с вами вашу фирму с нуля поднимали.

— Поэтому ты на себя берёшь больше, чем следует?

— Я душу вложила...

— Хочешь поговорить о состоянии своей души, задержишься после собеседования. А пока я снимаю с тебя полномочия по увольнению сотрудников. Ты уже в корень обнаглела! Даже в другие сферы нос совать начала. Вот тебе новый бухгалтер на место Царёвой, — показываю на женщину, которая имеет приличный опыт в бухгалтерии, — и увольнение сотрудников только через меня. Павла это тоже касается!

— Да у меня вроде нормально всё. В смысле, увольнять некого.

— Хвала богам! Сейчас ещё... кто там остался у тебя из девушек?

— Да всё уже, — бурчит себе под нос, — Пономарёва разве что, но она только с декрета вышла. Вроде не планирует пока снова.

— Прекрасно!

В кабинете повисает короткая, напряжённая тишина.

— Все свободны, кроме Надежды Викторовны и Угрюмовой Анастасии!

3 глава

— И далеко вы меня отправляете, Батбаяр-Хан?

В голосе моей помощницы я слышу нотки недоумения, но ни капли испуга. Она работает со мной почти десять лет и знает меня как облупленного. В её взгляде смесь лёгкого скепсиса и недоумения.

— Поближе к внукам, ты же хотела! — глаза женщины моментально загораются.

— К внукам? Вы не шутите?!

— Какие здесь шутки. Я же вижу, какая ты дёрганая. Развод у дочери твоей вчера состоялся?

— Да, слава богу! Только зять всё равно не сразу успокоится.

— Ты уверена, что помощь не нужна?

— Нормально! — отмахивается скорее рефлекторно, — Спасибо.

— Ну, смотри.

— Меня секретарём поставите?

— Каким секретарём? С твоим-то опытом! Хочу сделать из Питерской конторы мини-фирму.

— Не поняла?!

— Фирма будет только по портовым грузам. Чтобы сюда документы не гонять, всё на месте решаться будет! И путаницы меньше, да и тут разгрузимся значительно. Тем бо-

лее сейчас на новые месторождения выходим. Мне нужен тотальный контроль тут, — шариковой ручкой тыкаю по столу, — чтобы с документацией не лажали. И надёжный руководитель в Питере. И не просто толковый, а тот, кому бы я мог всецело доверять.

— Так вы меня на место руководителя хотите? — искренне удивляется Викторевна. Её пальцы невольно сжимают край папки, будто ей нужно за что-то держаться, чтобы не потерять равновесие от этой новости.

— А почему нет! Всё равно Питерскими документами ты одна занимаешься. Нового для тебя ничего там не будет.

— Ну, как-то...

— Что?

— Боязно...

— Не придумывай! Помощника себе подыщешь. Я на связи всегда, в конце концов.

— Да куда там, — снова отмахивается женщина, — Завтра пятница, и уже с обеда до тебя не дозвониться, — чуть забывшись, женщина переходит на «ты». Так бывает, когда у нас с ней возникают споры или она излишне взвинчена.

— Не утрируй, Викторевна. У тебя есть мой резервный номер.

— Так он на случай, если Армагеддон на горизонте.

— Вот видишь! Ты прекрасно понимаешь, что вполне справишься. Сколько тебе нужно времени, чтобы просветить Анастасию во все нюансы?

— Думаю, неделя, максимум две. Это со всей документацией.

— Ну и отлично. Оформляем!

Я даже не сомневаюсь в том, что Надежда Викторовна справится. А ещё я в самом деле всецело могу ей доверять. Эта тётка до зубного скрежета ответственная, и в случае если у неё действительно проблемы начнутся, она не будет юлить или же геройствовать, сразу сообщит обо всём мне, так что у меня даже лёгкой тревоги нет, хотя бабки там вертятся ни черта не маленькие...

Анастасия

Вот вроде бы и сложилось всё куда удачнее, чем я ожидала, только чувство волнения почему-то перешло в полноценное чувство тревоги!

Энергичная женщина лет пятидесяти попросила меня следовать за ней, и я, мгновенно подскочив, засеменила за женщиной, даже забыла попрощаться с Батбаяром.

— Значит, так! В первую очередь, давай я тебе немного расскажу о крутом нраве нашего босса. Хотя, если я правильно поняла, вы знакомы?!

— Не то что знакомы. Я тогда была подростком и видела Батбаяра всего несколько раз.

— Ну, начнём с того, что никакой он тебе не Батбаяр. Это его полное имя... Даже нет, его полное имя — Батбаяр-Хан. Но так как это длинно, подчинённые его называют Баяр-Хан, и ты к нему обращаешься только так.

— Принято!

— Дальше. Характер у директора сложный, под его горячую руку ты будешь попадать чаще остальных, потому что сидеть будешь прям вот тут, — женщина показывает мне на удлинённый стол, на котором стоит стационарный компьютер, две фотографии и какой-то комнатный цветок, похожий на кактус, но, по-моему, это не он. — Баяр-Хан не любит бардака, поэтому на твоём столе, — кладёт руку пока ещё на свой стол, но смотрит на меня, показывая этим, что скоро этот самый стол будет моим, — ничего лишнего на нём быть не должно! — продолжает она. — Не дай бог, какой-то фантик от конфеты или неаккуратно поставленная кружка чая. В этих вопросах Баяр-Хан очень педантичен, — взгляд женщины меняется, и дальше, чуть торопливо, она заговорила вполголоса, озираясь по сторонам, будто в приёмной, где нет лишней мебели, можно спрятаться, — Но скажу тебе по секрету, на своём рабочем месте он нередко разводит беспорядок.

Я внимательно слушаю женщину, пока что не перебиваю, периодически угукаю и киваю. Но при этом всё я стараюсь запомнить каждую мелочь: как она чуть понижает голос на «секретных» моментах, как нервно поправляет манжету — будто сама довольно сильно волнуется. Хотя, возможно так оно и есть. Как я поняла у неё совсем скоро будет ответственная должность.

— Приносить ему в кабинет кофе — обязанность секре-

таря. Сабина в отпуске, через неделю выходит. Но это и к лучшему, никто у нас с тобой под ногами болтаться не будет, — делает паузу, поправляет причёску. — Так, кофе! — возвращается к теме. — Нередко он просит об этом меня, просто я сижу ближе, чем секретарь, — рукой указывает на стол секретаря, что располагается в противоположном углу. — Баяр-Хан прямо из-за двери кричит, — сдерживаю смешок, потому как кричать из-за закрытой двери — дурной тон! Но, видно, директору всё можно, — Поэтому, если что, не вздумай налить ему растворимый, тот, что у нас на общей кухне! Он его в твоё лицо выплеснет.

— Серьёзно? — напрягаюсь я. Внутри всё сжимается, а в голове тут же вспыхивает картинка: я протягиваю чашку, он одним движением опрокидывает её, и горячий кофе летит мне в лицо. От этой мысли по спине пробегает неприятный холодок.

— Ну, — пожимает плечами, — вообще не должен, но на всякий случай рядом не стой! — делаю в голове жирную пометку: «Кофе боссу только из турки», — турка в нижнем шкафчике, — тут же подсказывает мне женщина, — голубенький небольшой шкафчик, в углу стоит. Потом пойдём на кухню, я тебе покажу! Там же кофемолка стоит. Сам кофе для босса, — наклоняется, открывая дверцу рабочего стола. — Вот здесь! — показывает мне на пачку кофейных зёрен, которые плотно закрыты в металлической баночке. — На кухню его не тащи. Оглоеды враз всё выпьют! И всегда

держи запас! Ты вообще умеешь варить кофе?

— Вроде умею...

— Хорошо.

Посвятив меня ещё в кое-какие нюансы, Надежда Викторовна перешла к рабочим моментам. Она мне рассказала, чем именно занимается фирма. Честно говоря, не понимаю, как Батбаяр за этим всем следить успевает?

От криптовалют до золотых приисков, добычи руды и ещё каких-то ископаемых. В этой сфере у меня нет никаких знаний, и об этом я тут же женщину поставила в известность! Надежда Викторовна поспешила меня успокоить. Горнодобывающая промышленность касаться меня не будет, этим всем она в Питере будет заниматься, а у меня совсем другие задачи.

Решив ещё пару моментов, мы прошли в отдел кадров, после чего меня отпустили домой...

— Ба, а чего свет в коридоре горит?

Снимаю полусапожки, ставлю их на полку. Вешаю пальто на плечики в шкаф.

— Ба? — прохожу вперёд, заворачиваю на кухню, щёлкаю чайник и иду в комнату бабули. — Бабуль, почему свет горит в коридоре, спрашиваю?

— Славка, очевидно, не выключил, поганец!

— Денег опять просил? — оперевшись плечом о дверной косяк, остаюсь стоять в пороге.

— А он по другому поводу приходит?

— Дала?

— А у меня откуда? Часть пенсии за коммуналку отдала, часть на поминки себе отложила...

— Ба! — чуть подкатив глаза, наклонив голову, кривлю лицо. Но в этом жесте нет злости — только привычная, тёплая усталость от бесконечных семейных драм.

— Ну ладно, ладно! Чего уж. Завтра-то я ещё не помру. А так деньги целее будут.

— Ты у меня сто лет жить будешь! — едва не плачу, потому как вижу, насколько сильно за последние три года сдала моя бабуля. Её руки, когда она поправляет платок, чуть дрожат, и эта дрожь режет по сердцу.

— Ну и прекрасно! — бодрится бабушка, подходя ко мне. — Значит, мы на свадьбу тебе потратим их, а потом я заново копить начну! К ста годам как раз набираю. Так пойдёт?

— Так, да, пойдёт! — выдыхая, теперь широко улыбаюсь бабуле.

— Ну вот и замечательно. Этот поросёнок и так все наши сбережения повытаскал.

— Ну, ты тоже додумалась под матрасом хранить деньги. Я же говорила, нужно в банк.

— Да бог с ним! Идём, я котлет капустных пожарила. Голодная?

— Очень.

Дедушка работал практически до самого последнего. Он ушёл быстро. Утром, как обычно, собираясь на кафедру, по-

чувствовал себя нехорошо. Бабушка перепугалась больше, она настояла на том, чтобы дед пошёл в больницу. Рак поджелудочной уже на последней стадии. Через два с половиной месяца его не стало.

Надо отдать должное бабуле, она невероятно стойко перенесла его смерть. На похоронах стояла как оловянный солдатик, не проронила ни одной слезинки. Лишь на следующий день после похорон дала волю слезам.

Я тогда закончила второй курс, очень переживала за бабушку, даже хотела взять академ, но моя бабуля, прокричавшись, встала с постели и, посмотрев на меня, зарёванную в углу её спальни, сказала: «Будем жить дальше»!

Первые полгода было очень тяжело. Дома была такая тишина, просто как в склепе, — звенящая такая! Мне кажется, даже когда погибли родители, жизни было больше. Может, потому, что дед со своими строгими устоями не позволил нам слишком долго оплакивать маму, мне ещё и папу. По моему отцу дедушка особо не скорбел, у них всегда были конфликты, в основном из-за меня!

Папа хотел, чтобы я жила дома с ними, а дед сказал, что из меня должен вырасти человек. Хватит того, что мама принесла в подоле и не доучилась. Мама Вячеславом забеременела в семнадцать!

Она очень долго скрывала свою беременность. Боялась гнева отца. Моего деда!

А когда уже округлившийся живот прятать было беспо-

лезно, и всё вскрылось, дедушка голыми руками маму чуть не задушил.

Но ещё больше шокирована я была, когда узнала, что дед настаивал на том, чтобы моя мама отказалась от Славы. Оставила его в роддоме.

Обо всём этом я узнала от чужих людей. От соседки с третьего этажа!

Я попыталась об этом втайне от бабушки расспросить бабушку, но она, конечно же, ничего мне не рассказала. Но и слухи эти опровергать не стала, из чего я сделала вывод — не такие уж это и сплетни! Да и конфликт между мамой и бабушкой начался именно тогда. С маминой юности.

— Вкусно?

— А когда твои котлеты были невкусными? — бабушка в самом деле готовила просто потрясно. Правда, в последнее время готовкой больше занимаюсь я. Давление у неё. Да и вообще, то сердце прихватит, то ноги судорогой стянет.

— Ну что расскажешь, как собеседование прошло?

— Хорошо прошло! — отвечаю с улыбкой, отправляю очередной кусочек котлеты в рот. — Документы в отдел кадров сдала. С понедельника стажировка, две недели.

— Куда взяли? Юристом? — у моей бабули даже лицо просветлело, такие моменты я очень люблю.

— Не а!

— Что, всё-таки бухгалтером?

— Нет, бабуль. «PantMera» принадлежит Батбаяр-Хану.

— Это что за зверь такой?

— Это не зверь, — смеюсь. — Это имя моего начальника.

Он у дедушки учился. Философию ему сдавал.

— Да ты что! Это же хорошо. Феденьку все любили... — в голосе слышны плаксивые нотки. — Уважали.

— Ба!

Она только отмахивается и берёт себя в руки.

— И к тебе, как к внучке такого человека, уважения будет больше.

Опускаю взгляд в тарелку, чтобы бабуля не заметила, как в моих глазах мелькает горькая усмешка. Знала бы она, как на самом деле деда «любили»...

4 глава

Первая неделя пролетела как один день. Оказывается, учиться и работать — это совершенно разные вещи!

Столько всяких бумаг, столько документации, что голова идёт кругом. Листы множились на столе с пугающей скоростью, папки громоздились друг на друга, и каждая новая стопка наводила ужас. В какой-то момент я испугалась так, что сказала Надежде Викторовне о том, что, скорее всего, я не справлюсь, но она только усмехнулась.

Мы сделали перерыв, выпили кофе, и я немного успокоилась, а потом всё началось сначала.

— У страха глаза велики! Ты совершенно зря переживаешь, Анастасия. Ты всё делаешь правильно, и считай, без моих подсказок.

— Суммы тут просто огромные.

— Привыкнешь.

Надежда Викторовна уже убрала со стола все свои вещи, и я почти полностью обосновалась на рабочем месте.

— Ты такая поникшая не потому, что боишься не справиться, верно?

— Я ещё никогда не работала в коллективе, и, мне кажется, меня тут не очень хорошо принимают.

— Да куда там! Вон парни с утра уже чуть не подрались, пока спорили, кто тебе будет чай наливать.

Не могу сдержать улыбки! Утром мы с Надеждой зашли на кухню, чтобы выпить чаю перед началом рабочего дня, и Павел с Виталиком, маркетологом из отдела продаж, наперебой стали предлагать налить для меня чай или кофе. Я рта не успела раскрыть. Они действительно начали спорить из-за меня.

Было даже забавно наблюдать за тем, как Виталья загораживая собой чайник от Павла, попутно тянулся к верхнему шкафчику за кофе. Павел в ответ только закатил глаза и буркнул: “Да она вообще, наверное, ромашковый чай пьёт, а ты ей растворимый суррогат предлагаешь”.

Поначалу я немного растерялась, не привыкла всё-таки к такому вниманию со стороны мужчин. — Не то чтобы его никогда не было, вовсе нет, и в студенческие годы внимание было, и в ночные клубы с подругами, хоть и нечасто, но я хожу. Так вот, там тоже ко мне подходят знакомиться молодые люди, пытаются угостить коктейлями, вот только мне пока это всё неинтересно. Раньше была учёба. Учёба, учёба, учёба! Ну а потом мысли всё о работе.

Я считаю, сначала нужно наработать стаж, а уж потом думать о личной жизни.

Мои подруги часто говорят: я загоняюсь, и наличие молодого человека никак не мешает мне работать. Но я с ними не согласна. И вот, вливаясь в рабочий процесс, только лишний раз убеждаюсь в этом.

Домой прихожу уставшая, без сил. Даже покушать тол-

ком не получается. Принимаю душ и спать. Иногда, закрыв глаза, я вижу не тёмную комнату, а бесконечные строчки цифр, которые продолжают плясать перед внутренним взором, не давая даже дома расслабиться ни на секунду.

— Парни мне не особо интересны!

— В каком это смысле тебе парни неинтересны? — женщина в удивлении чуть приподнимает бровь. В этом жесте было столько недоумения, будто я призналась, что не люблю мороженое или не верю в Деда Мороза.

— В смысле, я сюда работать пришла. Не собираюсь крутить интрижки. По своему профилю я буду контактировать с секретарём, по большей части.

— По большей части ты будешь контактировать с Баяр-Ханом.

— А, ну да! Получается, с секретарём и по отделам, со старшими менеджерами, и то, только когда отчёты собирать для директора буду.

— Для босса! У нас тут всё по-современному. Елена Васильевна это ввела. Директора все в госучреждениях сидят, — допив свой кофе, Надежда Викторовна ставит чашку на стол, — Это всё временно. Абсолютно все новички через это проходят. К тебе присматриваются, ты присматриваешься! Старайся первое время общаться с персоналом исключительно на рабочие моменты. Будут выводить на личные разговоры, не поддавайся. Личное оставляй при себе. Твои проблемы никого здесь не интересуют, — запомни это! Я здесь про-

работала почти десять лет, и в силу своего возраста, плюс дружбе с нашим боссом, конечно же, мне удалось избежать козней и сплетен за спиной. Но тут, да впрочем, как и в любой другой большой конторе, тебе не миновать пинков и подножек. Всегда найдутся те, кто захочет вставить тебе палки в колёса.

— Получается, со следующей недели я здесь остаюсь одна?

— На какое-то время да! Но это точно ненадолго. Старайся больше посвящать себя работе. Так будет проще. Но в столовой обязательно поддерживай нейтральные беседы. Если тебя кто-нибудь уличит в том, что ты подмазываешься к боссу, пытаешься выслужиться перед ним, сожрут с куда большим аппетитом.

— Спасибо вам.

— Абсолютно не за что.

Баяр-Хан.

Уже месяц Угрюмова работает в моей фирме. Исполнительная, коммуникабельная. Аккуратная, почерк разборчивый, с этим у Викторovны были проблемы. Кофе, опять же, варить умеет. Не хотелось признавать первое время, но он у неё даже лучше, чем у моей предыдущей помощницы получается.

Казалось бы, не должно быть никаких вопросов, но! Стройные ножки, неплохая грудь в соотношении с её тонкой талией, волнистые светлые волосы длиной по самую попу...

Вот с волос, наверное, всё и началось!

Настя первое время убирала их в уродливый пучок, пока однажды я не выдержал и не рывкнул на неё. Настоячиво попросил убирать волосы в обычный хвост. Бабушкин пучок часто выбивался даже из-под тугой резинки.

Она записывала мои поручения, время от времени оставалась, чтобы заново убрать волосы.

Угрюмовой, наверняка, казалось, будто я раздражался из-за того, что она отвлекалась, переставала записывать в блокнот мои распоряжения, откладывая ручку в сторону, заново приводила себя в порядок.

Но конечно же, это не так!

Поднимая руки вверх, её светлая блузка плотно облегла грудь, отчего мой и без того каменный член ещё сильнее впивался в молнию на брюках. Нередко после ухода Анастасии приходилось вызывать к себе Ленку. Мне просто необходимо было сбрасывать напряжение.

В какой-то момент я всё же признал: эта девушка меня цепляет. Я начал ловить себя на мысли, что спешу на работу, думая о том, что она уже там. На своём рабочем месте, в своей светлой блузке, строгой юбке и нелепых туфлях-лодочках на маленьком каблучке.

Эта глазастая девчонка с чуть полноватыми губами выглядит немного простоватой, но я уверен, стоит ей навести лоск, дорогая косметика, брендовое платье, и от столичной штучки, наподобие тех, что трутся в моём клубе, её будет не

отличить, разве что силиконом не накачена.

Какое-то время я ломал себе голову, пытался понять, что же конкретно меня могло зацепить в этой девушке, и понял: она не смотрит на меня так, как остальные. Разумеется, я имею в виду женскую часть своего персонала. Даже Викторевна порой смотрела на меня с неким обожанием, а вот Настя...

Сначала я подумал: копия своего деда! За всё пусть и не слишком многочисленные лекции, которые мне читал её дед, я ни разу не видел, чтобы он улыбался. Да мне кажется, никто не видел.

Фёдор Степанович полностью оправдывал свою фамилию: всё время ходил мрачнее тучи, вечно в одном и том же сером костюме.

Только вот шло время, Настя освоилась, и наконец в один из дней я услышал за дверью своего кабинета мелодичный девичий смех. Я прервал разговор с важным человеком и пошёл к выходу. Белоснежные ровные зубки. У Насти невероятно красивая улыбка. И на своего деда она совсем не похожа, разве что кудрявая, как он.

— Я что-то не понял. У вас работы нет? — Виталий, судя по всему, стравил моей новой помощнице свежий анекдот — по этим делам он у нас мастер! — Ну-ка марш на своё рабочее место, сказочник! — А ты, — рывкаю я на Настю, — в мой кабинет, живо!

Ожидаемо девочка вздрагивает. Её улыбка мгновенно гас-

нет, уступая место той самой собранности, которую я так ценю.

5 глава

Вот уже целый месяц я работаю в фирме Батбаяра-Хана.

Когда Надежда Викторовна говорила мне о крутом нраве нашего босса, я наивно предполагала, что она преувеличивает. Думала, женщина переживает, что я буду допускать ошибки, и Баяр-Хан может быть немного резок со мной, но оказалось, что бывшая помощница моего босса вовсе не преувеличивала, а даже, наоборот — недоговаривала!

Я о том, как наш босс умеет ставить на место своих сотрудников. Благо, пока что меня это не коснулось!

Первый раз Батбаяр прямо при мне наорал на дизайнера, который неправильно оформил рекламный баннер. Я так испугалась, что пулей выскочила из его кабинета и ещё какое-то время металась по коридору, хватаясь то за одну дверную ручку, то за другую, будто искала выход из лабиринта, а не обычный туалет, чтобы просто отдышаться.

— Да сядь ты, успокойся, полоумная! — говорит Инесса, подпиливая ногти прямо на рабочем месте. — Это босс только разминается. Вот когда он в отчётах ошибки находит, вот там начинается мировой апокалипсис!

— Я просто не привыкла.

— Как говорит мой психотерапевт, есть только два пути. Если тебе что-то не нравится, то беги. А если есть причины остаться, значит, тебе уже всё нравится, — говоря послед-

нюю фразу, развела руками секретарь Баяр-Хана.

— Если я не ошибаюсь, это про семейные отношения.

— Не ошибаешься. Просто сюда тоже подходит. Ты зарплату вчера получила?

— Да, конечно, как и все.

— Всё устраивает? — в голосе не то сарказм, не то издёвка.

— Более чем, — отвечаю спокойно. Стараюсь говорить ровно, не выдать, как внутри всё ликует: ведь для меня эти деньги — не просто цифры на экране, а свобода, которой раньше не было.

— Ну вот! Зарплата без сбоев, плюс аванс. Платят тут действительно неплохо, поэтому здесь каждый до последнего за своё место держится.

Зарплата действительно очень хорошая!

Я вчера, когда SMS пришла, глазам своим не поверила. Мне две недели стажа полностью засчитали, и даже премия небольшая была.

После работы зашла в торговый центр и впервые смогла себе позволить сразу три блузки, двое брюк, модный свитшот и сапоги замшевые. И всё это не в дешёвом бутике, а в хорошем фирменном магазине.

Бабуле купила кардиган и берёт, уж очень она их любит. К тому же её уже изрядно поизносились.

Правда, с этой самой зарплатой у меня уже на сегодняшний день практически ничего не осталось. Нет, не потому, что я

всё растратила.

У нашего Славки просто нюх на деньги! Пока я была в душе, он пришёл к нам домой. Я слышала, как он разговаривал с бабушкой. Громко говорил, что-то опять ей доказывал!

Пока высушила волосы, вышла из ванной комнаты — его уже и след простыл.

О том, что у меня пропала карточка из кошелька, я узнала всё из той же SMS-ки. Снял наличные. Пин-код мой он угадал наверняка с первого раза: день рождения мамы.

Брат у меня, конечно, не прям скотина, всё-таки надо отдать ему должное...

С бабушкой на еду на целый месяц он нам оставил три тысячи рублей!

Радует то, что я хотя бы в мясную лавку заскочить успела.

— Ну всё, всё, Настя, хватит! Прекрати реветь. Ну, наступила на те же грабли, что и я, что уж теперь.

— Да мне даже в голову прийти не могло, ба. На что мы целый месяц жить будем? — делаю глоток чая из ромашки.

— О, может, вещи обратно в магазин сдать?

— Я тебе сдам! Красота такая. Хорошо, что он сапожки не прихватил для своей мадемуазель, — я дёрнулась, хотела посмотреть, правда ли стоят на месте.

— Да на месте, на месте. Я проверила! По шкафам, видать, не шарил. Завтра попрошу соседа замки нам с тобой сменить. Хватит уже ему хозяйничать.

— Дядю Альберта? Дорого у него, в смысле, пока я вто-

рую зарплату не получу, или аванс хотя бы.

Сосед у нас бизнесмен. У него небольшая контора, он занимается установкой входных дверей и замков. Ещё там сигнализация, по-моему, но особо, если честно, я не вникала. Просто незачем!

— Ничего, он нам с тобой в рассрочку сделает. Альберт сам предлагал как-то, но я отказалась.

Скорее всего, Альберт Вениаминович предлагал сменить нам замки, когда Славка вытаскал сбережения, которые копил дедушка.

Дед словно знал, что с ним может что-то случиться, откладывал часть своей зарплаты, чтобы нам с бабушкой было на что жить.

О том, что у дедушки на счету крупная сумма, мы узнали только после его смерти. Бабушка боялась хранить деньги в банке и, обналичив их, положила под матрас.

Нет, моя бабушка — она очень современная. Она ладит с интернетом, следит за модой. Знает, что такое TikTok, Instagram и прочее. Только вот, наслушавшись про мошенников в банковской отрасли, решила, что под матрасом будет надёжнее.

Но а по итогу получилось как получилось!

Пропажу денег мы обнаружили не сразу. Славка понемногу таскал, хотя мы ему треть суммы выделили с этих денег, чтобы по справедливости всё было. Ага. Где наш Слава, а где справедливость?

Возможно, он боялся, если возьмёт всю сумму сразу, мы заявим в полицию. В момент, когда всё вскрылось, от суммы почти в шестьсот тысяч оставалось чуть более пятидесяти тысяч рублей.

Разумеется, Славка, вытаращив глаза, орал, что мы две маразматички наговариваем на него. Не постеснялся открыть рот, сказать, что это я, скорее всего, как он выразился, — ёбара какого-то к себе приводила, он эти деньги и спёр.

И построил из себя же такого обиженного, что мы и впрямь засомневались. Правда, ненадолго! Пока я его на новой машине случайно не увидела.

Его почти два месяца не было у нас. Хороший был период!

Конечно же, Вячеслав — мой брат, и по-своему я его люблю. Но его поведение порой настолько за рамки выходит, что, мне кажется, без него было бы куда лучше!

Вот в тот вечер, например, у меня все внутренности скручивало. Всерьёз думала, лучше бы он сгинул.

Конечно, чуть позже я сожалела о своих мыслях, но я так зла на него была...

Утром мы с бабушкой ещё раз поговорили и решили, что это будет нам с ней очередным уроком!

— Ну что, внучка, придётся мне в этом месяце поминки свои отсрочить.

— Ба, ну ты опять начинаешь?

— Ничего я не начинаю! Завтра понедельник, пенсия на книжку придёт. Снимать будем маленькими суммами, толь-

ко на продукты, чтобы паразиту этому, не дай бог, не перепало чего. Я с Аликом, кстати, поговорила уже. Сказал, завтра нам поставят железную дверь, как у него, только попроще немного. Но такую же надёжную пообещал.

— О, отлично! Ты ему сказала, что у меня теперь работа и мы быстро рассчитаемся, кстати, а какая у него дверь, дорогая поди?

Конечно, при условии, что Славка не будет воровать каждый раз мою зарплату, рассчитаемся мы быстро. Даже если дверь действительно очень дорогая.

— Сказал, по себестоимости сделает. За работу пообещал вообще ничего не брать. А за дверь тридцать шесть тысяч.

— За железную дверь, как у него, тридцать шесть тысяч? — я даже встаю немного с дивана от такой новости.

— Он сказал, по себестоимости! Всё равно дорого, да?

— Ты шутишь, бабуль, наоборот. Для такой двери очень дёшево! Одни замки, которые там встроены, бешеных денег стоят. Ты ему, поди, сказала, что Славка у меня карточку украл? — становится жутко неловко.

— Он и так понял, что в очередной раз мой внучок поживился по-крупному. Встретил его у подъезда. Уж больно, говорит, довольный уходил. Так, говорит, и понял, что там куш покрупнее, чем моя пенсия.

Осадок на душе невероятно паршивый, но ничего не поделаешь. Будем считать, что первая моя зарплата ушла на благотворительность, и карма за это мне воздаст!

С этими мыслями и настроение как-то улучшилось. И пусть это было самообманом, пусть я уговаривала себя, как ребёнка, которому пообещали, что всё будет хорошо, — но этот самообман сейчас был мне жизненно необходим.

Утром на кухне толпится народ, привычно здороваюсь и, подойдя к кулеру, набираю в стакан кипятка, чтобы заварить чай.

— Красавица, ты хоть помнишь, что сегодня тебе за отчётами идти к нам? — Елена не прекращает демонстрировать мне своё пренебрежение.

Со стороны это кажется очень даже смешно. Взрослая тётка, — она, по-моему, ровесница Батбаяра.

Елена училась также у моего деда. Раз закончила, значит, сдала экзамены, соответственно, образованная, а ведёт себя как пэтэушница.

— Да, я помню, Елена Васильевна.

— Замечательно!

Стараясь абстрагироваться и не заикливаться на происходящем, чай решаю выпить на своём рабочем месте.

По сути, мне приходится делать каждый день одно и то же. Рутинная работа, но пока что мне не скучно и всё нравится.

Проверяю почту, отмечаю важные письма и сразу пересылаю их Батбаяр-Хану. Затем факсы, приём звонков, записываю какого-то Жаркова на личную встречу с боссом, о нём мой босс меня предупреждал. Остальным вежливо говорю, что, к сожалению, Баяр-Хан очень занят и пока никого лич-

но не принимает.

— Настюха, пошли кофе выпьем! — ко мне в кабинет вошёл Виталий.

— Сейчас не могу, босс на месте, вдруг что-то понадобится, — не сказать что горю желанием идти, но я решила лишнего внимания к себе не привлекать. Ничего страшного не будет, если я сделаю перерыв минут десять на чашку кофе. К счастью на мини перерывчики ограничений нет. В пределах разумного конечно же.

— Отпросись.

— Он по телефону говорит.

— Аа. Ну, тогда слушай анекдот побырому.

Я уже было приготовилась к какой-нибудь пошлятине, просто слышала, какие в столовой он анекдоты рассказывает, но, на удивление, прозвучал вполне сносный, про Чебурашку и крокодила Гену. И не ожидала я, что он и в самом деле смешным таким окажется, не сдержалась я, за что и поплатилась.

— Я смотрю, тебе прям очень весело работается, Анастасия?

— Простите, этого больше не повторится!

— Садись, — вроде не зло приказывает, но поджилки всё равно трясутся. — Не сюда. Вот, к краю ближе!

Беру стул, подтягиваю его к краю стола.

— У тебя почерк аккуратный. Перепиши мои запланиро-

ванные мероприятия на месяц в новый блокнот.

6 глава

Какого хрена посадил её рядом с собой, в своём же кабинете, нихера не пойму!

Нет, она не мешает. Сидит себе спокойно, выводит буквы. Иногда щурится, когда пытается разобрать мой корявый почерк.

Ей снова мешают волосы. Подняв руки, Настя снимает со своих кудряшек резинку, пальцами несколько раз массирует голову и оставляет их красивыми волнами лежать на плечах и упругой девичьей груди.

Внимательно наблюдаю за её действиями. Анастасия старается держать спину ровно. Чуть застенчиво отводит взгляд, и, по-моему, она слегка выпячивает грудь.

Так и есть, — сучка!

Как бы невзначай, изящными пальчиками проводит вдоль груди, чуть мотнув головой, томно произносит...

— У вас так душно в кабинете, — и расстёгивает две пуговицы на блузке.

Нога на ногу, и вот она носком цепляет меня за штанину.

— Простите... — смущённо улыбается, а у самой глаза от похоти блестят.

Крутанувшись на тридцать градусов в своём массивном кресле, немного отъезжаю от стола. Откидываюсь на спинку кресла, ноги расставляю шире, показывая этим жестом На-

стенке, что она тоже может не стесняться.

Ну вот, оказывается, я зря переживал! Намёк понимает с первого раза. Отложив ручку в сторону, неспешно встаёт со своего стула, и тут же опускается передо мной на колени. Худенькими ладошками осторожно ведёт от колен до самого паха, распахивает взгляд, смотрит мне прямо в глаза.

Да, детка, у тебя уже слюнки текут.

Сжав хрупкими ладошками мою внутреннюю сторону бёдер, томно облизывает губы.

Не предпринимаю никаких действий, только взглядом показываю на внушительный бугор.

Ловко расправляется с моим ремнём, с пуговицей и вовсе за одно мгновение, затем неспешно тянет молнию вниз.

Делаю глубокий вдох!

Уже весь в предвкушении, и девчонка не заставляет меня больше ждать. Поддев широкую резинку боксеров тонкими пальчиками, ловко освобождает мой член из хлопкового плена!

Её глаза расширяются. Уверен, такого внушительного размера она в своей жизни ещё не видела. К тому же в глазах её явное восхищение.

Высунув острый язычок, Настя проводит им по бархатной головке. Делает несколько круговых движений, а затем пухлые розовые губки смыкаются на моём каменном жезле.

Естественно, с первого раза взять глубоко у Насти не получается. Но она не сдаётся, высовывает язык и пробует сно-

ва ртом, как можно глубже заглотить мою дубину.

Повторяет плавные, но уверенные движения ещё раз и ещё...

О да, детка! Однозначно я не зря принял тебя на эту должность.

Моё дыхание сбивается. Сдерживаться уже совсем непросто. Тяну руку к паху, хочу схватить девчонку за волосы...

— ...Баяр-Хан, — голос Насти громче, чем должен быть при этой ситуации, — Баяр-Хан, подскажите, пожалуйста, — вздрагиваю, как от удара током, и опять тем же коленом о край стола — сука... — Что здесь написано? Встреча на Ибике с Долшаром? Или это другое слово? — да нахрен!

В этот момент время будто спотыкается и резко возвращается на место, как резинка, которую отпустили. И от этого резкого перехода от бредового наваждения к реальности в голове звенит, а в груди всё сжимается от нелепости собственных мыслей.

Открыв глаза, вижу Анастасию по-прежнему сидящей на том же самом месте. И она по-прежнему переписывает мой блокнот. Только волосы в гульке, а блузка, как была застёгнута едва ли не под самое горло, так и осталась. — Твою мать!

— Нет, не другое! — рычу на бестолковую девчонку, — Тебе отчёты собирать не пора? — набираю обороты, хотя понимаю, не должен, — Не успеешь подбить их все до конца рабочего дня, уволю нахрен!

Девчонку, как ветром сдуло.

Да уж, Батбаяр, так и до клиники недалеко.

Забиваю на всё, беру с вешалки своё пальто и выхожу из кабинета. Поебать, что начало недели и дохера работы. Помощница мне на что?

За руль не сажусь, беру водителя! По пути набираю Насте длинное сообщение. Она сегодня у меня, хрен домой пойдёт!

Пишу ей, чтобы каждый из отчётов проверила детально. Разложила на компьютере, на моём рабочем столе папки по номерам. Чтобы в каждой из них убрала лишнее и всё разложила по отдельным ячейкам, — только так, чтобы я сам мог разобраться потом.

Дёргаю коленом, которое не болит, но до сих пор чувствует крышку стола, думаю, чем бы ещё её загрузить?!

Мешка пшена с горохом у меня в кабинете нет, поэтому пускай ещё и папки, что на полке, по алфавиту расставит.

Выдыхаю. Вроде легче стало...

По будням в клубе немного народу. В такие дни в основном снимают клуб для корпоративов, недорогих дней рождений. В будни на многие закуски хорошие скидки. Разгружаем кухню, чтобы к выходным завоз был только свежими продуктами.

Само собой, тухлятину я не продаю. У меня есть специальный человек, который строго следит, чтобы вся продукция была использована вовремя, а если что-то остаётся, то

безжалостно списывается ещё до полного завершения срока годности.

Сегодня два дня рождения и небольшой корпоратив в малом зале.

На втором этаже никого!

Иду в свою випку и по пути набираю Владу. Прошу его привезти для меня пару первоклассных тёлочек.

По молодости у меня был небольшой клуб, где очень и очень богатые дяди могли провести время с очень и очень цивилизованными девушками.

Только отборный товар! И, конечно же, всё добровольно.

Ещё бы, я им платил огромные бабки, все девушки, что работали на меня, ездили на крутых тачках, плюс чаевые регулярные от самих клиентов, на всякие побрякушки. Да и не обижал я их, что важно! Все богатые толстопузы, хоть и были со своими загонами, но без излишних извращений.

Строгие соблюдения правил. Клиент в скрытой форме излагает то, что может выйти за рамки. Из допустимого — все виды секса, традиционный, оральный, анальный. Глубокий горловой! Если клиенту, например, захочется во время секса придушить немного эскортницу или он захочет, чтобы ему очко вылизали, это только по предварительной договорённости с, мать её, путаной, и по её собственному ценнику. Я за подобное свой процент не брал с них, это был их собственный доп-заработок.

Вот только в порыве страсти господ извращенцы зача-

стую всё равно выходили за те самые, заранее оговорённые рамки. Все знали, что у меня чистый товар, и, конечно, кому не хочется попробовать более чистое, но при этом опытное тело?!

Я сам всё прекратил. Ко мне приходили всё более и более серьёзные люди, которым нужна была строжайшая конфиденциальность, и я понимал: придёт время, и мне уже не соскочить.

В то время я ещё не был настолько крут, и были те, что могли меня, пусть и не с лёгкостью, но всё же прогнуть.

В конце концов, я продал бордель!

Девчонкам, каждой, заплатил огромные суммы своих отступных. Кто захотел остаться с Владом, те остались. Остальных распустил!

После этого я более плотно занялся охранным агентством, потом и другие направления начал развивать.

Сейчас моим старым бизнесом занимается Влад Градский. Теперь я его клиент! Правда, очень редкий. Когда хочется спонтанно снять какую-нибудь девочку, но не знаешь, что написано в её медицинской справке. А Влад держит марку! К тому же мне всегда подгоняет свежачёк. Он знает, что я не привередливый и что не прочь обучить новую девушку, как именно нужно угождать мужчине.

7 глава

Сижу над компьютером Баяр-Хана и едва не плачу...

Да вру, — плачу я! Только не могу понять, отчего: то ли от обиды, то ли от усталости. Слезы катятся сами собой, горячие, злые, и я смахиваю их тыльной стороной ладони, будто это просто пыль с монитора, а не моя собственная усталость, накопившаяся за бесконечные часы работы.

И что на него нашло, вообще непонятно!

А главное, за то, что отвлеклась на рабочем месте, по большому счёту, он на меня не накричал — сидела, выполняла его задания — взбеленился!

Вряд ли же он разозлился из-за того, что я переспросила у него, правильно ли я разобрала слово. Действительно же ужасный почерк! Большую часть я, скорее придерживаясь логики, угадывала. Иногда приходилось буквально расшифровывать эти каракули, как древние руны: «Это „Ибица“ или „Ибиса“? Это „Долшар“ или „Должар“?» — и каждый раз я задерживала дыхание, прежде чем спросить, боясь, что очередной вопрос снова вызовет эту внезапную вспышку раздражения.

В одном из отчётов, которые Баяр-Хан мне зачем-то поручил перепроверить, я нашла расхождение. Честно говоря, даже не знаю, с какой стороны завтра подойти к боссу, чтобы указать на этот, мягко сказать, недостаток.

Остальные отчёты... да в целом там всё понятно! Проверять особо нечего было. К цифрам я всегда была внимательна. На калькуляторе печатаю быстро, соответственно, на все пять отчётов из разных отделов у меня ушло всего два с половиной часа. Да к тому же там только два из пяти были с цифрами, остальные я просто прочла. Зачем мне это надо? Надежда Викторовна говорила, что я только прохожусь по отделам, собираю документы, в нужном порядке раскладываю и отношу в кабинет генерального.

Самым сложным оказалось на компьютере босса разобрать рабочий стол. Вот тут действительно бардак! Всё в кучу навалено. Интересно, как он сам разбирается, где что у него находится? Папки лежали друг на друге, файлы с непонятными названиями, иконки вперемешку — это был не рабочий стол, а археологический раскоп, где каждый клик мог стать открытием чего-то неожиданного. И вот это «неожиданное» я в итоге и нашла — папку с видеороликами, которую я сначала хотела просто удалить как лишнее, но потом, подумав, аккуратно перенесла в отдельную директорию, подписав «Личное (не удаляла)». Пусть лучше он сам решает, что с этим делать.

В общем, провозилась я почти до часу ночи. И это мне ещё повезло, что папки на полках и так стояли по алфавиту.

На метро я уже не успеваю. Впрочем, и общественный транспорт уже давно перестал ходить. Пройдя по пустым коридорам, возвращаюсь в свой кабинет.

Что делать, ума не приложу?!

Похоже, придётся заночевать прямо тут, на своём рабочем месте. Денег на такси у меня всё равно нет.

Бабуле я позвонила ещё часов в шесть. Предупредила, что могу очень сильно задержаться или вовсе заночевать на работе. Знаю, она переживает, но что делать!

Спать за собственным рабочим столом не очень удобно. Я только за кемарила, но почти сразу проснулась оттого, что у меня достаточно сильно заломило поясницу. Встала, прошлась ещё немного. Внезапно вспомнила о мягком удобном кожаном диване, что стоит в кабинете Батбаяра-Хана.

Ставлю будильник на семь тридцать. Первые сотрудники приходят в начале девятого, знаю, потому что я прихожу одна из первых. За полчаса успею умыться, более-менее прогнать сон с лица, да и вообще прийти в себя.

В кабинете моего начальника немного свежо, но на моё счастье в шкафу лежит тёплый плед. Укутавшись в него, как гусеница, засыпаю в считанные мгновения.

— Ба! Ну ещё одну минуточку, сон такой классный, дай досмотрю.

И вроде бы снова проваливаюсь в сон, вот только постель какая-то жёсткая. Да и стойкий запах парфюма моего босса ноздри едва ли не до чиха щекочет.

Глаза не открываю, но резко принимаю сидячее положение. Только теперь распахиваю глаза.

— Доброе утро, Настя! Как спалось?

— Извините... — от резкого, не то испуга, не то выброса адреналина, вскакиваю на ноги и, запутавшись ногами в пледе, в который до сих пор была закутана, начинаю неуклюже заваливаться вперёд. Сильные руки моего босса успевают перехватить моё хрупкое, худенькое тело и усаживают меня на место. В этот момент я чувствую себя пятилетней девочкой, которую поймали на том, что она тайком залезла в родительскую кровать: одновременно стыдно, страшно и почему-то уютно от того, что тебя не ругают, а просто держат, чтобы ты не упала.

— Я закончила поздно, — начинаю оправдываться я, — общественный транспорт уже не ходил, и в общем я...

— На такси почему не поехала? Дорого? Зарплата на днях вроде была. Неужели уже всё потратила?!

— Ну, можно и так сказать, — произношу, краснея. Щеки горят так, что, наверное, даже в полутёмном кабинете заметно, и я опускаю взгляд, чтобы не встречаться с глазами Баяр-Хана, потому что стыдно не столько за то, что денег нет, сколько за то, что приходится в этом признаваться.

— Понятно! Иди умывайся, вызову тебе такси, — непонимающе смотрю на своего босса, поворачиваю голову в сторону окна, — светло!

— Но рабочий день только начался.

— Рабочий день в самом разгаре! — взглядом показывает на огромные часы, что встроены прямо в стену.

— Боже мой! — я всё ещё была растеряна после сна, — я

же поставила будильник на семь тридцать, — достаю из-под подушки свой Android и судорожно жму боковую кнопку, — Сел! — признаю очевидное.

— Поезжай домой, Настя!

— Я уволена? — спрашиваю настороженно.

— Как можно уволить такого ценного сотрудника? — взгляд босса вроде бы и спокойный, но всё же какой-то странный, — все задания выполнила за один только вечер. Да я такого порядка на своём мониторе в жизни не видел.

Смотрит на меня таким взглядом, что против воли мурашки по телу пробегают.

Так, Настя, включи голову. Он твой начальник! Просто начальник! Влюбишься, работать не сможешь.

— Даже порноролики в отдельный файл сложила, — молодец! А я про них и забыл совсем. Так что шуруй домой, отдыхай. На сегодня у тебя выходной. Заслужила!

Немного ошарашенная подобной новостью, собираюсь с мыслями. Аккуратно складываю плед, кладу его обратно в шкаф. И только у самого порога я опомнилась.

— В отчёте Елены Васильевны расхождение. Давайте я к ней подойду. Она ошиблась, наверное, где-то. Я проверяла по общей базе, возможно, у них там свои документы, которые ещё не внесли... — замолкаю, глядя на то, как Батбаяр на мгновение замер.

Мужчина впивается в меня острым взглядом. Берёт в руки папки, что стопочкой лежат на краю его рабочего стола,

и безошибочно достаёт отчёт именно бухгалтерии.

— Где именно, покажи! — голос мужчины стал более глухим.

Подхожу обратно к столу Баяр-Хана и, открыв шестую страницу, показываю пальцем.

— Вот тут, смотрите. Почти пятьсот тысяч! Давайте я подойду...

— Я сам! Ты свободна.

Батбаяр

Вот же курва! Пригрел змею на своей шее.

К работе Елены у меня нередко бывают вопросы, но это в основном частые опоздания, нарушение дресс-кода, грубое отношение к своим подчинённым и так ещё по мелочи. Вроде бы и бесит, да не особо это всё и критично. Увольнять вроде не за что было.

За отдельные услуги, которые Лена время от времени мне оказывает, начисляются нехилые премиальные! В этом месяце я позволил ей добавить себе семьдесят процентов к окладу. Зарплаты своим сотрудникам я плачу все в белую. Так что общая сумма приличная выходит.

Ленка знает меня неплохо. Выучила за столько-то лет. Я ей доверяю, хотя теперь правильно будет сказать: доверял! Я не особо проверял отчёты ранние, так, глазами пробежусь немного.

Особо внимательно только из юротдела проверяю бумаги, ну там понятно, чуть что, можно не только на большие день-

ги попасть, но и присесть надолго! А Ленка она и так молодец, — наивно думал я!

Основная работа без касиков же.

Бля! Недавно только думал, какой я молодец. Какой у меня штат. На других посмотришь, вечно всплывают какие-нибудь казусы. У меня всё по накатанной, мелкие косяки работников, куда без них, я и сам не без греха, потому они не считаются.

Вот я наивный, конечно. Булки расслабил и не углубляюсь ни во что.

Похоже, придётся всю документацию лично вокруг перелопатить. Пиздец, сколько времени уйдёт на это...

Ну а херу ли делать! Вот прямо с бухгалтерии и начну, прежде чем обвинять человека, нужно самому всё перепроверить. Вдруг это действительно ошибка. Человеческий фактор никто не отменял! Хотя и понимаю, нужно быть круглым идиотом, чтобы повестись на это. Не заметить расхождения такой суммы при расчётах — это нереально.

Открываю папку «отчёты», файл за текущий год, «бухгалтерия», — всё же Настя действительно молодец. Я бы в бардаке своём разобрался, конечно, но всё же, хер бы я нашёл так быстро всю информацию.

В какой-то момент мне стало немного... ну, совестно это не про меня. Нет у меня этой самой совести. Скорее я испытал неловкость. То что я какого-то хрена хочу засодить внучке професорра которого едва-ли не ненавидел в студен-

ческие годы, это только моя проблема. Я подумал: зря я так с девчокой. Не стоило её загружать работой. Как подросток в пубертат расстроился, разозлился, и сорвался на Насте.

Вот только в данный момент мысли у меня другие. Сейчас думаю о том, что я молодец. “Не было бы счастье...” что называется...

Теперь я просидел до самой ночи! Только ночевать не остался. Хорошо, что моя городская квартира рядом с офисом...

— Я смотрю, помощница твоя преобразилась! — у моего главбуха, похоже что настроение отличное. — Шмотки новые прикупила. Третью блузку за неделю уже сменила. Вчера выходной у неё был. Подружились?

— Проходи, садись, Елена!

— Ого! Какой строгий начальник, — в своей привычной манере, сложив ногу на ногу, не забыв приподнять юбку, томно смотрит на меня Лена.

Её поза, её взгляд, её манера говорить — всё это раньше казалось мне частью её «делового образа», чем-то, что помогает ей держать ситуацию под контролем. А сегодня это выглядит как дешёвый спектакль, который я уже тысячу раз видел и который больше не кажется интересным.

8 глава

— Настя, сходи в отдел кадров. Забери нашу канцелярию.

Сегодня утро выдалось немного суматошным — какое-то непонятное оживление в офисе, или это я на взводе... В воздухе будто витает электричество: кто-то хлопает дверями, кто-то слишком громко говорит по телефону, а я ловлю на себе косые взгляды, и от этого каждое слово звучит чуть резче, чем хотелось бы.

— Во-первых, ходить за канцелярией — обязанность секретаря, — изо всех сил стараюсь, чтобы голос мой звучал ровно, — а во-вторых, почему доставка оставляет всё в одном месте? Мы недоплачиваем курьеру? Насколько я знаю, он разносил по отделам.

— С чего это мои обязанности? — предсказуемо возмущается Инесса.

— С того, что за канцелярию у нас отвечает секретарь! — повторяю уже более уверенно. И в этот момент сама себе удивляюсь: ещё месяц назад я бы просто молча сходила и забрала эти коробки, лишь бы не спорить. А теперь стою, расправив плечи, и чувствую, как внутри просыпается упрямое «я имею право не делать чужую работу». Мысленно хвалю себя за смелость.

За прошедшие почти полтора месяца отношения в коллективе у меня более-менее наладились. Даже Елена Васи-

льевна уже не слишком сквозь зубы разговаривает со мной, хотя и заметно что недолюбливает. А вот с Илоной мы совсем не нашли общий язык. Наглая, самодовольная. Да она практически ничего не сделала за этот месяц! Может, пару раз письма на почту увозила и привезла небольшие посылки с той же почты.

— Я не нанималась тяжести таскать.

— Хорошо, — отвечаю спокойно и вполне серьёзно, — завтра у нас собрание. Поднимем вопрос, чтобы босс грузчика для нас выделил.

— Так вот почему ты у него в любимицах ходишь! Зад ему подлизываешь?!

— С чего это я подлизываю сразу, — слышать подобное неприятно, но я стараюсь этого не показывать, — это вполне рабочий момент. Канцелярия, я так понимаю, привозится раз в месяц. Курьер за доставку по отделам получает плюсом почти десять тысяч рублей. У нас на фирму отведено всего четыре этажа, и лифт у нас рабочий, слава богу! Я считаю, что получить десятку за дополнительные какие-то пятнадцать — двадцать минут работы — это вполне себе хорошие деньги. А они, получается, не отрабатываются! — понимаю, я сейчас выгляжу со стороны душной, но, с другой стороны, считаю данный момент достаточно серьёзным. Тем более в юротделе тоже спор возник на этой почве.

Инесса хотела ещё что-то сказать. Судя по тому, как интенсивно набрала в лёгкие воздух, что-то колкое, но дверь

кабинета Баяр-Хана очень резко открылась.

Елена вылетела как ошпаренная! Она совершенно точно плакала. Неужели всё-таки она осмелилась на воровство?

Конечно, я понимала, что расхождение такой суммы не заметить очень сложно...

Ну кому я вру? Это невозможно сделать!

Но всё же думала, мало ли, может, она сначала сделала отчёт верно, а потом перепроверила себя и сама же запуталась. Всякое может быть! Но эта надежда была хрупкой, как тонкий лёд: я цеплялась за неё, потому что не хотела верить в самое плохое — в то, что человек, с которым я каждый день сталкивалась в коридоре, мог так хладнокровно обворовать фирму.

Когда я утром заходила в столовую, чтобы налить себе кофе, Павел предупредил о том, что наш босс ушёл из офиса глубокой ночью. Ему ночной сторож на ресепшине подсказал. Он посоветовал мне в течение дня на глаза Батбаяр-Хану не показываться. Я думаю, что он проверял отчёты за последний период. Раз он не вызвал Елену ещё вчера, значит, точно перепроверял информацию.

Естественно, пока я обедала, только ленивый не подошёл ко мне и не спросил, что произошло. Конечно, подходили они ко мне после секретаря. Но она не в курсе и рассказывала только то, что Елена вылетела вся в слезах. Это позже выяснилось, что уже через двадцать минут её вместе со всеми личными вещами в офисе не было.

Разумеется, я и не собиралась никому говорить, по какой же причине ушла Голубева. Но Мадина почему-то была в курсе.

— С чего ты взяла, что у неё была нехватка, Мадина? — сейчас, сидя за дальним угловым столиком нашей столовой, всё выглядело так, будто Панина рассказала мне истинную причину ухода Елены.

— Она мне сама сказала! — делаю вид, что поверила. Опускаю голову, продолжаю ковырять свой салат. Вилка скользит по тарелке, и этот тихий скрежет почему-то бесит. Хочется просто закрыть уши и не слышать ни про деньги, ни про обман, ни про то, как легко рушится привычная картина мира.

— В мае месяце я лично её за руку поймала! Подошла к ней тихонько, чтобы кое-что уточнить, а она как раз в этот момент цифры подбивала.

— И ты не сказала об этом генеральному? Глаза как-то сами собой расширяются.

— Она мне про больную маму напела. На тот момент Нина Николаевна действительно была в больнице. Только я не знала, что с банальным вывихом бедра, а не с онкологией, как мне сказала Елена. Она всё при мне исправила и поклялась, что пойдёт и попросит деньги напрямую у директора. И что так делать она больше никогда не посмеет. Я поверила ей!

— Но я бы, наверное, тоже поверила, — говорю после

небольшой паузы размышлений, — но всё же насторожилась бы.

— Ну ты как помощница генерального, конечно, можешь быть настороже. К тому же в любой момент в состоянии заглянуть в отчёт. Признавайся, ты увидела?

— Да, но я честно подумала, что это недоразумение. Хотела даже к Елене подойти, уточнить, но она уже ушла домой. Утром сказала Батбаяр-Хану, что нужно подойти к Голубевой. Он сказал, что сам к ней подойдёт, и отправил меня домой.

— Понятно!

— Мне как-то некомфортно теперь перед Еленой.

— Да забей, ты чего? Правильно ты всё сделала!

— Я так понимаю, Батбаяр не стал сообщать в полицию. Наверное, она в первый раз, и он простил. Наверное, она просто вернёт деньги, — начала зачем-то рассуждать.

— Не знаю, правда или нет, — корпусом потянувшись через стол, наклонившись ко мне ближе, Мадина стала говорить тише, — но Виталик говорил, в юротделе, вроде как, слух прошёл, за весь период работы здесь она на двадцать шесть лямов нашего босса обула.

— Сколько? — я чуть соком не подавилась. Кружка дрогнула в руке, и капля апельсинового сока упала на скатерть, расплывшись ярким пятном — таким же ярким, как эта цифра, которая никак не хотела укладываться в голове. Двадцать шесть миллионов... Это не ошибка, это не «запута-

лась»? Пипец...

— М-гм... Не знаю, правда, нет, — повторяет девушка, — слышала прям краем уха. Может быть, вообще не то что-то, но про Елену говорили это точно.

— Обалдеть! Даже не знаю, что сказать.

— Ты о чём?

— О нашем генеральном! Он у нас выходит, такой благородный. За такие деньги можно присесть и надолго. Он же не стал сообщать в полицию.

— Я думаю, что для Елены сделал исключение только из-за их многолетней дружбы. Возможно, ей теперь придётся продать свою недвижимость и возместить ущерб, хотя бы его большую часть, — говорит Мадина, подёргивая плечами, — Батбаяр-Хан... Я работаю два с половиной года с ним, и могу тебе точно сказать лишь одно: в стенах этого заведения его фирмы он за тебя горой. Ты его сотрудник, и Баяр-Хан глотку за тебя перегрызёт, если у тебя какие-то проблемы в коллективе, при условии, что напрямую к твоей работе у него претензий нет. Он тебя отстоит, как хозяин этого, так сказать, заведения. Мне особо сильно сравнивать не с чем, но всё же скажу: он золотой руководитель. Ты, когда устраивалась на работу, наверное, обратила внимание, что он ругал Павла за текучку. Так вот. Он любит, чтобы все на своих местах, чтобы всё на своих местах! Терпеть не может привыкать к новым людям. За всех и каждого, вплоть до поломоек, он тут горой! Но за его пределами он пройдёт мимо тебя и

даже не поздоровается.

— Что? — на губах появляется нервная улыбка, — как это? Например, вот столкнёмся мы в каком-нибудь торговом центре, я скажу... здороваюсь просто! И он меня проигнорирует?

— Даже не сомневайся! Твои проблемы вне работы ему вообще до лампочки. Ты его сотрудник здесь. Там — никто! Единицы из офиса — люди, которых он признаёт вне его стен, — это Павел, они учились вместе, Елена, они также вместе учились. Лена, по-моему, на курс ниже. Ну и плюс она с Баяр-Ханом с самого начала основания его фирмы. Павел пришёл через года два, наверное. Да и всё вроде бы.

— Это как-то странно! Ну вот если в семье какое-то несчастье или, наоборот, рождение ребёнка...

— Это всё в коллективе! Вот девчонка из юротдела в декрет ушла, родила недавно. Мы ей почти триста косарей насобирали по всем отделам.

Мне становится немного стыдно. Когда собирали деньги, я очень переживала, что подойдут и попросят меня тоже сдать, а Влад, скотина, мои деньги спёр.

— Хорошая поддержка! — выдавливаю из себя.

— Да, с этим проблем нет. Я просто хотела тебе так образно показать, какой у нас босс. Он скидывается всегда, кстати. Но ровно столько, сколько остальные. Говорит: он не благотворительность!

— В этом плане я никогда и никого не осуждаю! Есть бед-

ные люди, которые ещё более бедным помогают, снимая с себя последнюю рубашку, отдают нуждающемуся. Они по-другому не могут. Так уж устроены! А есть люди, которые считают, что деньги нужно заработать. Чем богаче человек, тем крепче его внутренние устои. Вот, например, поможет Баяр-Хан своей какой-нибудь многолетней сотруднице. Ну, я образно! Допустим, детей в школу оденет, денег выделит или квартиру купит в конце концов.

Из отчётов было прекрасно видно, сколько Батбаяр зарабатывает в месяц чистыми деньгами. Я имею в виду без оплаты того-сего, пятого, десятого. Доход Баяра — десятки миллионов, и поэтому, услышав смех Мадины, допускаю, что она как раз таки даже представить себе не может, сколько зарабатывает наш босс.

— Ну ты скажешь тоже — квартиру! Фантазёрка.

— Да я образно! Также только, чтобы ты суть поняла! Вот он одной поможет. Придёт вторая, третья. У кого-то там кто-то болеет, что-то ещё может быть. И получается, он уже свои деньги, кровные, те, что сам заработал, раздаёт бедным, — этакий Робин Гуд!

— Да, права ты по большому счёту, конечно. Человек, который тратит свои деньги на бесполезные вещи, никогда не станет по-настоящему богатым!

Не знаю почему, но мысль о том, что Батбаяр может пройти мимо меня на улице, и даже если я буду тонуть в луже, не протянет мне руку... Как-то мне не по себе услышать такое.

Баяр-Хан — строгий, но действительно справедливый начальник. Но вот то, что рассказала мне про него Мадина, в голове у меня как-то не укладывается. И от этого внутри остаётся странный, неприятный осадок...

9 глава

На следующий день я впервые осмелилась расспросить о Батбаяр-Хане более подробно и обратилась за этим к Галине Овчаренко. Она тоже работает в отделе кадров, но чуть дольше, чем Мадина, и с ней мы вроде бы как сдружились. В груди слегка трепетало от неловкости — будто я собиралась выведать чей-то большой секрет, а не просто узнать про начальника. Но любопытство, упрямое и настойчивое, всё равно тянуло вперёд.

— Я вообще удивлена, что ты не знала об этом! Разве Викторовна не предупреждала?

— Нет, ничего такого она мне не говорила! Только про скверный характер.

— Ну хоть про это сказала. Но про то, что за пределами фирмы он нас не признаёт, она всё же зря смолчала, аспект-то важный!

— Почему важный?

— Всё по тому же. Батбаяр большой человек и тут начальник, а за пределами фирмы — строгое соблюдение субординации. Если тебе вдруг понадобится его помощь, то просто так он тебе её не даст. Отплатить придётся. Вот как бы ты к постороннему человеку обратилась. С этим у него строго!

— Ясно. Хорошо, что я теперь в курсе. А то мало ли где можем пересечься. Если что, теперь смогу избежать нелов-

кой ситуации, — пытаюсь улыбаться, надеюсь, у меня хорошо получается, потому как на самом деле я до невозможности неловко себя сейчас чувствую. Улыбка выходит натянутой, будто приклеенной, и я невольно тереблю край рукава, стараясь скрыть волнение. — Надежда Викторовна, возможно, не сочла это особо значимым. Так-то всё правильно, у начальства должна быть личная жизнь.

Галина сделала очередной глоток чая и о чём-то задумалась. Потом, словно что-то вспомнив, произнесла:

— Не сказала, скорее всего, потому, что босс к ней очень хорошо относился и только ей единственной он помогал даже вне работы. Но я думаю, это ещё и потому, что Викторовна — его дальняя родственница. Поэтому здесь без вариантов, сама понимаешь.

— Родственница? Как это родственница? Наш босс, он же монгол, а Надежда Викторовна — славянка, — не знаю, почему с таким удивлением спрашиваю. Я же, ещё будучи подростком, узнала, что кровь у Батбаяра смешанная. Правда, не знала между какими нациями.

— Да какой он монгол! У него только отец, и то, по-моему, наполовину. Да у него даже глаза не такие узкие, как у людей востока, сама же видишь!

— Монголия к востоку не относится, это средняя Азия! — в меня впивается острый взгляд коллеги. Я тут же понимаю, что зря сумничала, — Монголы, они тоже разные бывают, — спешу продолжить, чтобы не заострять внимания

на неловком моменте. — Смуглые, светлые, бронзовый оттенок кожи, как у Батбаяр-Хана как раз. С глазами так же. Большие, маленькие. Узкие и полностью раскрытые.

— Глаза невероятные у нашего красавчика, правда?

— Да, очень красивые. Ресницы не длинные, но густые такие... — стараюсь говорить как можно сухо, чтобы Галя, не дай бог, вдруг ничего не подумала. А сама в этот момент вспоминаю, как однажды, когда Баяр-Хан на секунду задержал на мне взгляд, у меня сердце зашло так, будто я пробежала три лестничных пролёта. И теперь от этих воспоминаний щёки предательски теплеют. — Тут не поспоришь!

— Ну да.

— А что ещё про его происхождение говорят?

— О том, что у него мать русская, а отец лишь наполовину монгол, говорила Елена. Как-то на одном из корпоративов проболталась. Вроде как, он сам ей рассказал. Ещё где-то слышала, что в Монголии у него семья большая очень.

Не знаю, зачем мне вдруг понадобилось поподробнее узнавать о Батбаяре, возможно, это не более чем любопытство, — да, скорее всего, так и есть! Мне просто захотелось чуть подробнее узнать о человеке, на которого я работаю, вот и всё. Но где-то в глубине души шевелилось что-то ещё: будто, узнав о нём побольше, я смогу выстроить невидимую стену между собой и этим странным притяжением, которое каждый раз накатывает, стоит ему только взглянуть на меня.

Баяр не просто красивый и brutальный мужчина. У него

ещё невероятно сильная энергетика, и мне от неё очень сложно закрываться. Должна же я знать хотя бы приблизительно, что от него я могу ожидать.

А ещё в такого, как он, очень сложно не влюбиться. Я намеренно избегаю лишних мыслей о нём. Не смотрю в его сторону чаще, чем это необходимо. И дело даже не в том, что я действительно не смогу работать, если в него влюблюсь. Я знаю, что такой, как я, рядом с ним не место. Да он в упор меня не замечает!

Принц и нищая...

Нет, это только в сказках!

Возвращаясь на своё рабочее место после небольшого перерыва, выбросить всё из головы и настроиться на работу удаётся не сразу. Голова гудит от полученной информации, и в мыслях не прекращая мелькают обрывки фраз: «родственница», «не признаёт за пределами», «отплатить придётся». Я несколько раз глубоко вдыхаю, пытаюсь вернуть себе привычную собранность, и только потом берусь за бумаги.

Просмотрев ряд документов, нужные на подпись складываю в отдельную папку и перехожу к изучению оставшихся контрактов. Я, как помощница генерального директора, обязана знать не только, какие дела ведёт мой босс, но и с кем именно.

— Анастасия, зайдите ко мне в кабинет. Возьмите с собой блокнот и ручку, — Баяр-Хан вызывает меня по селектору.

Одёрнув юбку, на секунду задерживаюсь у зеркала, смот-

рю, не замялась ли блузка, немного поправляю причёску. Пальцы слегка дрожат, и это бесит: ну что со мной такое? Это же просто рабочий разговор, а я трясусь, будто на экзамен собралась. И волнуюсь так же.

Стучу дважды в дверь босса и только после того, как слышу: «Входи, Настя», толкаю её.

— На послезавтра закажи мне билет до Магадана, — уверенно с ходу начинает говорить, не отрывая взгляда от бумаг, — третьего — в Гану, оттуда девятого числа — в Китай. Обрато через Турцию полечу, билеты все заранее бронируй и ничего не перепутай.

— То есть из Китая вы летите в Турцию?

— А я непонятно сказал? — поднимает на меня взгляд.

— Числа не уточнили.

— Одиннадцатого — до Анкары, — смотрит на календарь, — обратно давай шестнадцатого. После подписания основного контракта, отдохну там пару дней.

— Хорошо, что-то ещё, Батбаяр-Хан?

— Викторoвна говорила тебе, в каких гостиницах я оста-навливаюсь?

— Да, она мне оставила тетрадь. Там всё указано, где, в какой гостинице, какие номера, сколько должно быть воды в номере, сколько...

— Ну, всё отлично. Тогда выполняй. И кстати...

— Я вас слушаю.

— У тебя паспорт заграничный есть?

— Был, — на мгновение теряюсь, — но он просрочен!

— Значит, смотри, — покачиваясь в своём кресле, ударяет перьевой ручкой по столу, — меня не будет две недели, чуть больше получается. За этот период обязательно найди время, можешь даже уйти среди рабочего дня, не возражаю. Сдай свой старый загранпаспорт и сделай себе новый и обязательно открытую визу. Все затраты берёт на себя фирма. Бухгалтерию предупрежу!

— Я буду ездить с вами по командировкам? — в груди что-то ёкает. Это не то чтобы радость, скорее смесь волнения и страха: новые города, новые люди, а рядом — он.

— Да! Я же говорил тебе об этом при приёме на работу. Так мне будет гораздо удобнее, а то мало ли, можно нарваться на такого переводчика, что без штанов останешься.

Переминаясь с ноги на ногу, опускаю взгляд.

— Что такое, Настя, у тебя условка?

— Какая ещё условка, вы о чём?

— Ну, ты так нахмурилась, какие-то проблемы?

— Да в общем-то, нет. Я просто живу с бабушкой и даже не знаю, как она отнесётся к моим командировкам.

— Ты серьёзно сейчас? Ты взрослая девка! — мне совсем не нравится то, как Батбаяр смотрит на меня. Под его давящим взглядом я тушуюсь. — Ты реально отпрашиваешься у бабушки, когда остаёшься у мужика на ночь?

Даже не собираюсь пояснять, что ни у каких мужиков на ночь я не остаюсь.

— Командировки одной ночью не обходятся!

— Я тебе бабки за это плачу, и немалые! С бабушкой как-нибудь договоришься. Свободна!

Вот же сволочь! А ещё грубиян и хам. Внутри всё сжимается от обиды, и я крепко стискиваю пальцы, чтобы не выдать, как сильно меня задели эти слова. «Взрослая девка»... А чувствую себя сейчас как ребёнок, которому резко сказали: «Не ной, разбирайся сам».

По-моему, впервые босс разговаривал со мной настолько пренебрежительно.

Командировки Батбаяр-Хана не такие уж и редкие, как я уже поняла.

В прошлом месяце на золотые прииски ездил его партнёр по бизнесу. Семь скважин, два карьера, и всё это не только в разных местах, но и в разных странах. И только этот бизнес на двоих с неким Галиевым Камалом. Всё остальное Батбаяр тащит на себе в одиночку. Откуда только силы берутся?..

Когда папочки нет дома, в семье творится кавардак!

Стоило только нашему боссу покинуть город, как его сотрудники из офиса устроили едва ли не дискотеку.

Сначала было всё более-менее нормально! Я старалась не обращать ни на что внимания, но уже на третий день не выдержала и пошла включать командиршу! Начала я с юротдела, он самый шумный оказался. Там работают практически одни парни, и он находится на самом близком от меня расстоянии.

— Павел, но я вас прошу...

— О, Настя, привет! Что, громко?

— Ну конечно, громко! Как можно работать с документами под музыку? Наконец, Павел убавил музыку до нормального уровня децибел.

— Это ты только фигнёй страдаешь. С утра до вечера над бумагами сидишь, — говорит мне Паша на полном серьёзе, — а у нас отдых. Босса нет, отчёты сданы. Работы так, по мелочи, ничего серьёзного. Вот он сейчас из командировки вернётся, тогда начнётся полная задница, потому как у него сразу три новых проекта планируется. А пока расслабься, потому что и твоя симпатичная попка будет в мыле, — двусмысленный комплимент я просто игнорирую. Но щёки всё равно вспыхивают, и я делаю вид, что поправляю бумаги — лишь бы не встречаться с ним взглядом.

— Я за вас просто безмерно счастлива, но ничего, что я теперь выполняю не только свою работу, но и работу генерального директора? Сейчас, например, мне нужно напечатать двадцать три страницы договора и включить туда очень важные юридические пункты, за ошибки в которых именно ты, Павел, с меня спросишь.

— Блин, Настя, прости. На тебе же перешивка двенадцати договоров. Мы реально об этом не подумали! Всё, обещаю, музыка громко играть больше не будет и тебя не побеспокоит.

Дальше иду в бухгалтерию. Там всё не так плохо, девчон-

ки очень сильно смеются. С ними договориться оказалось куда сложнее.

Место Елены Васильевны заняла её подруга Ирина. Нет, она не относится ко мне так же придирчиво, как относилась Елена. Но и мои распоряжения исполнять не спешит. Я сейчас говорю именно про рабочие моменты, а не про то, что я прошу их вести себя потише. Хотя и тут им всё равно, как только я выхожу за двери, то тут же раздаётся дикий хохот. От этого смеха по спине пробегает неприятный холодок: я всё ещё для них чужая, новенькая, и мои слова пока не имеют веса.

В дизайнерском отделе благодать. Впрочем, так же как и в отделе кадров. Там просто-напросто никого нет!

Все переместились не то в комнату отдыха, не то в игровую комнату, я даже не знала, что такая тут имеется.

В общем, я человек всё ещё новый, плюс очень молодой, соответственно, вообще не в авторитете.

Более-менее все успокоились только к концу следующей недели, за четыре дня до возвращения Батбаяр-Хана.

Беготня сотрудников напоминала мне басню Крылова. Особенно позабавил как раз-таки юротдел. Оказалось, что ещё неделю назад босс прислал на электронную почту Павла очень важную документацию, которую нужно было проверить от и до, а они веселились. Сейчас у них и помимо накопилось достаточно много дел, и они совершенно растеряны, не знают, что делать и за что хвататься.

— Если нужна помощь в вычитке, могу помочь.

— Нельзя, Настя. Важные документы! Но спасибо за предложение, — ох, как же Паше сейчас не весело.

— Прямо всё нельзя, или всё-таки есть то, что тихонечко можно?

— Ты же говорила, у тебя много работы?

— Так это когда было?! Я же, в отличие от вас, её выполняла каждый день, и сейчас ничего особенного у меня там нет. Вроде как всё сделала.

— Ты наша спасительница, — сказал Георгий, подавая мне очень толстую папку с бумагами.

Высшее юридическое у меня не за красивые глаза! Шестьдесят семь страниц из шести договоров, и их я осилила за два с небольшим часа.

— Ни хрена себе! Да я бы минимум до завтрашнего утра сидел, не меньше!

— Обратите внимание на двадцать шестую страницу, договор на перепродажу автомобилей, второй пункт. Могу ошибаться, но, по-моему, недавно закон изменился, там должна быть другая формулировка. Некритично, но всё же могут быть проблемы! И сорок третья страница — договор на рекламу. Первый и пятый пункты. Там с выплатами... Я просто не знаю, как должно быть. Какие суммы и кто кому должен, поэтому пересмотрите сами. В остальном всё стандартно.

— Спасибо, — торопливо отвечает Павел, делая пометки

у себя в блокноте.

— Не за что! Ещё чем-то могу вам помочь?

— У тебя рабочий день закончился. Иди домой.

— Если надо, я могу задержаться!

— Нет, Настя, спасибо. Мы бы с удовольствием, но если босс узнает, уволит всех и тебя не пожалеет, зуб даю, — сказал Павел.

— Подтверждаю! — улыбнувшись, Валера даёт мне шоколадку “Алёнка” с орешками, как я люблю.

— О, спасибо! — искренне улыбаюсь парню.

10 глава

— Бабулечка, опять давление было? — переступив порог квартиры, чётко уловила запах таблеток. Ноздри неприятно щекочет этот знакомый, горьковатый запах — запах болезни, который я уже научилась узнавать с порога. И от этого внутри всё сжимается, будто кто-то крепко стиснул сердце.

Захожу в комнату к бабуле и, к подтверждению своих же догадок, на её прикроватной тумбочке замечаю тонометр.

— Да, что-то не знаю. И вчера, и сегодня. Кое-как ужин сварганила.

— Ну и зачем себя мучила? Я перехватила бы чего-нибудь да и всё.

— Ещё чего не хватало! И так на работе не ешь ни черта. Вон, исхудала как, одни рёбра торчат.

— Не придумывай, ба! У нас на работе кормят очень хорошо. Первое, второе и компот!

— Знаю я эту столовскую пищу. Одна изжога потом, — улыбаюсь бабушке. Ей совершенно бесполезно говорить о том, что кормят нас едва ли не как в ресторане. Только порции побольше.

— Мясо последний кусок остался. Крупы тоже заканчиваются, Настёна.

— Завтра аванс! Не переживай по этому поводу. Я сразу после работы зайду и закуплюсь продуктами.

— Ой, Настя. Паршивец-то этот звонил. Завтра прийти должен, прячь карту подальше. Тебе же выдали новую, да?

— Да, я же говорила тебе. Я сразу пошла в бухгалтерию, сказала, что у меня украли сумку. Девочки говорили что-то про страховку, вроде бы даже часть предыдущей зарплаты должна вернуться.

— Да ты что, внуча, серьёзно? Это хорошо, а то... — бабуля резко замолкает.

— Что, бабуль, говори! — требую я и жду ответа, впиваясь взглядом в её лицо, будто пытаюсь по морщинкам угадать, что она хочет скрыть.

— Анализы повторные пришли.

— Так! И что там?

— Сказали срочно прийти на приём. Терапию выпишут, к операции готовиться надо. А там уколы, сама знаешь, сколько стоят.

— Да плевать, сколько они стоят, ба! Главное, что ты, как я вижу, уже сама понимаешь — тянуть больше некуда.

— Больше некуда, — настрой бабули мне точно так же совсем не нравится. В её голосе нет привычной бравады, только усталая покорность, и от этого мне становится по-настоящему страшно.

— Что по анализам вообще сказали?

— На гемоглобин и на белок пересдать ещё раз.

— Так, ясно! — стучу коготками по бокалу с чаем, усиленно при этом размышляя, — Завтра пятница, вчера не

могли позвонить? Я не могу просто так не пойти на работу. Нужно предупреждать начальников отдела о том, что меня не будет. Наш босс не вернулся ещё.

— Они ещё позавчера звонили. Я забыла сказать.

— Забыла, или не хотела? — смотрю на единственного родного человека с укором. — Сильно плохо днём было, да?

— Да не серчай, Настя, не серчай! Вон, Павловна с этой же болячкой считай, восьмой десяток променяла.

— Олеся Павловна операцию сделала когда я ещё в классе восьмом была, поэтому и отметила восьмидесятилетний юбилей.

— Да, надо было тогда с ней и ложиться.

— Всё, бабуль! — кладу свою руку поверх прохладной сморщенной ладони бабушки, чувствуя, как под тонкой кожей слабо пульсирует вена, и от этой хрупкости хочется плакать. — Мы справимся.

Улыбаюсь, хотя мне совсем нелегко это делать.

Операцию нужно было делать ещё семь лет назад. Тогда она бы с лёгкостью её перенесла. По сути, сама операция не сложная, но сейчас у бабушки возраст, сердце слабое, и я боюсь, что она не сможет пережить наркоз. Но и без этой чёртовой операции тоже никак нельзя. Давление прыгает, и резкие перепады температуры для нас уже давно лотерея. Таблетки не всегда помогают, иногда приходится скорую вызывать, чтобы укол поставили.

Видя, как сильно нервничает бабуля, мне хотелось её хоть

как-то успокоить, отвлечь какой-нибудь болтовнёй ни о чём, но у меня зазвонил телефон.

Вообще, на незнакомые номера отвечать я не очень люблю, но сейчас я работаю, и мне уже давно звонят секретари и помощники таких же боссов, как и мой. Хотя и время уже не рабочее, но мало ли?!

— Алло!

— Настя, привет. Чуть поникший голос Елены Васильевны узнаю практически сразу. — Это Елена, Голубева.

— Да, я узнала вас!

— Вас! — усмехается женщина, — Мы же не на работе, можно и на «ты».

У меня было какое-то неловкое чувства. Голос нашей бывшей сотрудницы был каким-то странным. Не то взвинченным, не то взволнованным? Непонятно...

— У вас что-то случилось? — глупый вопрос сорвался с губ быстрее, чем я подумала.

— Ну, как бы, — всё же она нервничает, — Настя, у меня к тебе большая просьба.

Вот это поворот! Я как-то даже обернулась, чуть неловко ударилась о косяк. Причём довольно ощутимо, так что даже скривилась от боли. Потерла ушиб я пошла прямо по коридору в сторону своей комнаты.

— Я слушаю вас.

— Я понимаю, что мы с тобой не то что не подруги, — ну, это вы верно подметили, — пронеслось в моей голове,

— Мы даже... нас хорошими знакомыми-то назвать нельзя. Бывшие коллеги с натяжкой, но, в общем! — снова пауза.

— Алло, Елена! — мне показалось, что пропала связь.

— Да, я тут, — выдыхает, — Настя, понимаешь, у моей подруги не получается... — нерешительность Елены начинает меня немного раздражать, — В общем, у меня собеседование наметилось. Фирма солидная, платят там тоже хорошо, я узнавала! Вот только менеджер, который занимается подбором кадров, назначил мне встречу какого-то чёрта в ночном клубе. Я сначала отказаться хотела, но ты же знаешь, у меня ситуация безвыходная! Вообще, я боюсь наедине с ним встречаться, и...

— И вы хотите, чтобы я составила вам компанию? — сказать, что я удивлена, не сказать ничего. И по голосу моему это было прекрасно слышно. Внутри всё будто подпрыгнуло от неожиданности: «Меня? Просит помощи Елена Голубева, которая раньше и взгляда в мою сторону не кидала?» — эта мысль пронеслась вихрем, оставив после себя странное послевкусие — то ли гордости, то ли неловкости.

— Да. Понимаешь, дело в том, что одна моя подруга с мужем на отдых укатила. У второй, мама заболела. Третья, она, по-моему, просто отмазалась. В общем, из более-менее подходящих «клубных» девочек мне действительно больше не к кому обратиться!

— Простите, но чем же я вам помогу, я не понимаю!

— Ты просто поприсутствуешь со мной на этом чёртовом

собеседовании. Чтобы я не одна была, понимаешь?

— Да, понимаю. А когда у вас собеседование?

— Завтра в десять вечера! — Елена будто бы оживилась.

— Разве собеседования так поздно проводят?

— Вот в том-то и дело! Я тоже считаю это неправильным и сказала об этом менеджеру. А там такой жёсткий мужик, мол, ну, вам же нужна работа, а я в другое время не могу. Ты поможешь мне? — в голосе явная надежда.

Здравый разум вступает в борьбу с моей совестью. Всё же в том, что Елена осталась без работы, есть и моя вина. Да, я понимаю, что уволили её совершенно справедливо, но мне всё равно дико неловко от того, что произошло это именно из-за меня. Я же заметила расхождения и рассказала о них боссу. И сейчас эта неловкость тяжёлым камнем лежит на груди, не давая просто сказать «нет».

— Говорите адрес, Елена, я приеду, но предупреждаю, что надолго не задержусь.

— Правда? — голос мне показался немного наигранно-весёлым, хотя, скорее всего, это усталость, накопленная за рабочую неделю, и я просто неверно всё воспринимаю, — Спасибо, Настя! — продолжала она, — Я не думаю, что собеседование займёт больше часа. Да! Час максимум!

— Хорошо, сбросьте мне адрес клуба.

— Ага, сейчас. Ой, Насть, сразу, пока не забыла! — замираю, внимательно слушаю, — Там дресс-код очень жёсткий. В джинсах не пустят.

— Не волнуйтесь. Я знаю, как в клубы одеваются. Я иногда подобные заведения посещаю...

Очень стараюсь ответить менее раздражительно, но чувствую, не очень получилось удержаться.

— Ну, тогда до завтра?

— Да, до завтра!

Кажется, Елена что-то ещё говорила, но я так разнервничалась, что сбросила вызов. Несколько секунд я ещё смотрела на потемневший экран своего мобильного, после чего почти небрежно бросила его на кровать и теперь только наконец начала переодеваться после нелёгкого рабочего дня...

11 глава

Вернувшись к бабушке на кухню, я помогла ей убрать посуду, а потом мы пошли с ней в гостиную, чтобы перед сном посмотреть её любимый советский фильм.

Время было уже достаточно позднее, но я всё никак не могла заснуть. В голове, как заезженная пластинка, снова и снова прокручивала разговор с Еленой, слова накладывались друг на друга, путались, а тревога всё никак не хотела отпустить. Я ворочалась, натягивала одеяло до самого подбородка... вообще от чего-то я очень нервничала.

Прокрутив уже, наверное, в сотый раз в своей голове разговор с Еленой, я всё же не выдержала и набрала Галину.

— Алло, Галь, не разбудила тебя? Это Настя...

— Да, у меня записан твой номер, — голос Галины Овчаренко был чуть настороженным. — Что-то случилось? Время почти двенадцать.

— Да, я знаю, просто ты говорила, что поздно ложишься, вот я и... Прости я... — неуверенно пищала я в трубку.

— Настя, ты меня не разбудила, всё нормально! Так ты просто поболтать? Я с удовольствием!

— Не совсем, — выдыхаю и решаю сказать всё как есть. — Мне Елена звонила.

— Какая Елена?

— Голубева.

— Да ладно! И чего хотела?

— Чтобы я на собеседование с ней сходила!

— Чего?! — на другом конце провода послышался чуть нервный смех.

Я пересказала Галине полностью наш разговор с Леной.

— Да уж, — всё так же посмеивалась девушка мне в трубку. — Докатилась так докатилась! — я напряглась, но Галя поспешила пояснить. — Не, не. Ты не подумай! Я не то, что ты какая-то прокажённая. Я в том смысле, что Ленка своим паршивым характером умудрилась испортить отношения, считай со всеми, не только с сотрудниками фирмы, но, как, оказывается, и за её пределами. Подруг у неё, оказывается, действительно нет! — слышу щелчок, как от зажигалки, и глубокий вдох. Не знала, что Галя курит. — Дай угадаю, ты испытываешь чувство вины и собираешься пойти!

— Я ей пообещала, но почти сразу пожалела об этом. Но вообще, да, ты совершенно права. Я действительно испытываю чувство вины.

— Глупости! Ты ни в чём не виновата, и Елена также это знает. Она просто не учла, что ты, как новичок, слишком внимательно изучишь отчёты. Она привыкла, что Викторова их сразу генеральному уносила, а он не особо, по всей видимости, перепроверял их. Я имею в виду бухгалтерию. Возможно, потому, что доверял Голубевой! Он больше за юротделом следит. Следил, вернее. Уверена, теперь он уж точно будет держать руку на пульсе.

— Понятно! — снова выдыхаю.

— Что же мне делать теперь? Я же пообещала. Может, не идти всё-таки?

— Как хочешь! — снова слышу, как Галина делает глубокую затяжку. — Вообще, можешь просто позвонить ей завтра и отказаться. Скажи, что бабушка приболела!

— Ну, нет! Здоровьем бабушки я шутить точно не буду, — в трубке повисла пауза...

— А в какой она тебя клуб, говоришь, пригласила?

— В BadHan, кажется.

— Ааа. Ну, тогда понятно.

— Что?

— Это клуб нашего босса, и ей не «удобно» там одной появляться. Но раз она решилась, должность, действительно, стоящая для неё. Я Ленку не один год знаю, она не продешевит!

— Так, Баяр-Хан же ещё в командировке, — я не знала, что у Батбаяра есть ночной клуб, но комментировать я это никак не стала.

— И что с того? Думаешь, там некому будет донести ему?

— Ясно!

— Так... — Галя словно оживилась. — Ладно, авансик нам пришёл вроде, так что...

— Завтра же аванс.

— Завтра суббота, на день раньше в этом месяце. Тебе смс не приходила, что ли?

— Я не смотрела, — чувствую внутренний подъём. Деньги нам с бабулей очень нужны.

— Хрен с ней, с этой Ленкой! Я в том смысле, что она мне в своё время в какой-то степени помогла устроиться к Батбазару на фирму, так что давай вместе сходим на это её «собеседование». Так сказать, долг платежом красен! По коктейлю выпьем с тобой да попляшем нормально. Я давно в клубе не была. Месяца полтора, наверное.

— О, это здорово будет!

Мне на душе после разговора с коллегой легче стало. Причём значительно. Будто кто-то взял и стёр половину тревог одним своим «я с тобой», и теперь уже не казалось, что я должна тащить всё это в одиночку.

Вообще, думаю, если бы Галина не решила мне помочь, то я, наверное, всё же позвонила бы Елене и сказала о том, что не смогу с ней пойти.

Несмотря на то что Галина мне вроде как всё объяснила, меня почему-то всё равно не отпускает мысль о том, что я последний человек, к которому Елена могла обратиться с подобной просьбой!

Утром я позвонила своей близкой подруге и записалась к ней на маникюр. Собиралась в воскресенье, но раз уж сегодня я иду в клуб, стоило немного собой заняться.

Бабушка не особо любит, когда я хожу в подобные заведения. Сейчас у неё ещё и здоровье хромает, поэтому, чтобы она не переживала, я заранее договорилась с Катей, что

якобы у неё дома собираемся с девочками. Так будет лучше. Бабуля не будет переживать за меня, а я, в свою очередь, за бабушку.

— А чего это ты вырядилась, как на дискотеку, Настя?

— Так, мы её с девчонками и устраиваем! — застегнув полусапожки, я тянусь за сумкой и по пути целую родного человека в щёку: — Пока, ба! Рано не жди, спать ложись, а то я, может, у Катерины и заночую, — насчёт ночёвки говорю специально, чтобы не ждала. А в груди при этом неприятно ёкает: врать бабушке я не люблю, но иногда, для её же спокойствия приходится.

Платье выше колен, но не слишком открытое. Полусапожки на небольшом каблуке и клатч. Сейчас такие уже не особо в моде, но к этому чёрному платью из кружева он подходит почти идеально.

На такси не трачусь, поеду на автобусе, а там ножками два квартала. И коктейль возьму себе один, два и не больше, тем более Галя предупредила, что в клубе Баярхана сильно дорого.

Аванс пришёл вполне нормальный, с утра я ещё успела в магазин сходить и на рынок. Прошлые три недели были сложными для нас с бабушкой благодаря моему братцу. И наверное, с «голодухи» я холодильник забила до отказа!

На часах только восемь, но я специально пораньше поехала, чтобы встретиться с Галей и уже вместе с ней поехать в клуб.

— Половина десятого, что-то не видно Елены. Она не звонила тебе? — мы сидели на мягких диванчиках на втором этаже обалдеть какого пафосного заведения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.